

У Земли другие
координаты

Карина Давтян

Карина Давтян

**У Земли другие координаты.
Вторая часть трилогии
«Стеклянный город»**

«Издательские решения»

Давтян К.

У Земли другие координаты. Вторая часть трилогии «Стеклянный город» / К. Давтян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902444-2

Стеклянный город пал, забрав жизни миллионов людей и искалечив судьбы немногочисленных выживших. Уверенный в том, что Арианы больше нет, Леон пытается начать всё с чистого листа, строя новую жизнь и отношения. А тем временем, где-то на другом конце Вселенной, его возлюбленную мучают осколки памяти, которые никак не хотят собираться воедино. Для них обоих Звёзды уготовили трудные испытания. Смогут ли они пройти через них и найти друг друга в этом огромном мире?

ISBN 978-5-44-902444-2

© Давтян К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

У Земли другие координаты Вторая часть трилогии «Стеклянный город»

Карина Давтян

Дизайнер обложки Карина Зограбовна Давтян

Корректор Карина Зограбовна Давтян

© Карина Давтян, 2018

© Карина Зограбовна Давтян, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2444-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сохраняя способность мыслить

Мрак начал отступать и полоска света явила передо мной смутные очертания голубого полотна с плывущими по нему белыми пуховыми облаками. Я в раю? Странно, что именно это первым приходит на ум. Наверное, подсознательно там мне и хочется оказаться. Но рай ведь на небе, а я вижу небо перед собой. Я будто лечу параллельно ему. А что параллельно небу? Земля... Или вода. Нет, я точно лежу на чём-то твёрдом. Хотя ощущаю лёгкие брызги на своей коже. Они такие холодные, что колются, как маленькие стёклышки. Мне почему-то приятно. Это вообще единственная приятная вещь, которую я испытываю в данный момент. С каждым мгновением моя чувствительность всё больше восстанавливается, усиливая боли во всём теле. Хочется крикнуть, позвать кого-то на помощь, но я не могу. Вообще ничего не могу. Я способна только лежать и терпеть это, глядя на быстро летящие перед глазами облака. Как же быстро они летят... Не могут они лететь так быстро. Скорее всего – это я лечу. Но куда? Зачем?

Пытаюсь вспомнить, что произошло. Возникает вспышка перед глазами: она растёт и движется на меня. Почему-то становится жарко и очень страшно. Никогда я не испытывала такой страх. Это был даже не страх, а нечто необъяснимое, когда ты безнадежно смиряешься со своим концом. Как будто я видела самый ужасный ночной кошмар в своей жизни. Может, так оно и есть? И сейчас я просто проснулась? Не могу дать другого объяснения, ведь память будто оборвалась на том моменте, когда... когда я прыгнула. Но откуда тогда такая боль в теле и небо перед глазами? Это был сон наяву. Он закончился, и я жива. Жива, Звёзды! И вновь я говорю вам – спасибо. Может, это глупо, ведь вы просто шары, излучающие свет, благодаря термоядерным реакциям, что происходят в ваших недрах. Однако это такая колоссальная энергия, что мне иногда кажется, будто я её ощущаю. Словно она меня направляет. И пусть это бессмысленно, но я всегда буду верить в вашу силу. Просто так спокойнее. Всегда приятней осознавать, что человеческая жизнь не является произволом, что кто-то непременно указывает дорогу. Мне эту дорогу указывают Звёзды... Потому что я так хочу.

Теперь нужно разобраться, где я. Следует проанализировать все свои ощущения, забыв о мучающей меня боли. Итак, вижу небо, подо мной – что-то твёрдое и холодное, похоже на металл, в носу витает солоноватый запах моря, а на кожу попадают мелкие брызги. Слышу приглушённый и плавный звук мотора. По всей видимости, я в какой-то лодке, и плывёт она довольно быстро. А куда она направляется? Наверное, к земле, к суше.

Лодка не может плыть сама по себе, да и я вряд ли оказалась на ней случайно. Кто-то ведь втащил меня внутрь, значит, рядом есть ещё люди. Надо позвать, надо дать им понять, что я жива. Они помогут. Должны помочь, потому что я не в силах больше терпеть эту боль.

Я попыталась шевельнуться. Плечом, ногой, головой, чем угодно, лишь бы только привлечь к себе внимание. У меня это получилось, так как в поле зрения неожиданно попала собственная правая рука. Я развернула её к себе ладонью – по запястью с внутренней стороны стекала капля крови, идущая с прорези между средним и указательным пальцами. Странно, что она ещё не запеклась. Либо рана очень глубокая, либо же я проспала совсем недолго. Цвет ладони казался очень бледным, почти бесцветным, а кончики пальцев и вовсе были цианотичными.

– Сэр, она проснулась, – где-то над своей головой услышала я мужской голос.

Раздался топот нескольких тяжёлых шагов, каждый из которых отдался тупой болью в теле. Я опустила руку, ожидая услышать кого-нибудь ещё.

– Давно? – спросил, видимо, тот самый «сэр». Почему-то, когда я услышала его низкий тембр, на меня нахлынуло спокойствие.

– Не знаю, сэр. До сих пор она не шевелилась.

Чья-то ладонь скользнула над моим лицом. Я проследила за ней глазами. Она была точно мужская: кожа довольно светлая, запястье прикрывал рукав кожаной куртки, под которую уходили короткие чёрные волоски. В носу тут же завитал запах сильных мужских духов.

– Ты слышишь меня? – спросил обладатель чёрного одеяния.

Я несколько раз моргнула и попыталась кивнуть.

Неожиданно к горлу подступила вода, а из груди невольно вырвался кашель, отдавшийся колющим приступом в лёгких.

– Тише-тише, – проговорил мужчина, опуская свою ладонь мне на плечо.

Его рука была тёплой, я бы даже сказала – горячей. От этого стало приятно.

– Введите ей снотворное, – повелительным тоном сказал он же.

Мне кажется, я знаю этот голос. Он как музыка звенит в моих ушах. Когда ты точно осознаёшь, что слышал данную мелодию, но где и когда – не помнишь. Вот и сейчас так же: точно знаю, что слышала этот голос ранее, но, кому он принадлежит, вспомнить не могу. Как будто я забыла нечто очень важное.

Я почувствовала, как кто-то взял мою левую руку, и тут же режущая боль пронзила запястье, заставив меня напрячься. Помимо этого, я ощутила, как кожа на локтевом сгибе натянулась и её проколола иголка. Препарат начал медленно распространяться по организму, отпуская болевые ощущения.

– Спи, – неожиданно близко проговорил знакомый голос, а небесное полотно передо мной заполонило чьё-то лицо.

Черты быстро поплыли перед глазами, так как веки начали смыкаться. Однако я запомнила пронзающий меня взгляд мутно-зелёных глаз.

Глава 2

Горькая правда

– Чтобы закрыть испытательную часть проекта «Стеклянный город» и приступить к постройке других подводных городов, программа должна была оправдать себя по всем статьям в системе безопасности, а также обеспечить надёжное укрытие в случае какого-либо внешнего неблагоприятного воздействия. Но за семьдесят лет Пирамида не подверглась никаким угрозам, поэтому проверить её стойкость в чрезвычайных ситуациях оказалось невозможно. Вследствие этого было решено провести симитированную угрозу. Внепланетный патруль зарегистрировал несколько космических тел, и среди них был выбран наиболее подходящий, имеющий в своём составе преимущественно металлические структуры, которые не сгорели бы, войдя в атмосферу Земли. Также был предусмотрен его размер и градус падения при изменении траектории в сторону отмеченной точки, располагающейся в центральной части Тихого океана на расстоянии пятисот километров от города.

Речь сотрудника экспериментальной организации ненадолго прервалась молчанием.

– Программа не оправдала себя, – огорчённо проговорил другой мужской голос.

– Несущие стёкла изначально не были повреждены. Они бы устояли, не затопи сотни кубометров воды верхние этажи, – сказал кто-то ещё.

– Каким образом вода попала туда? – Чья-то сдержанная, но явно недовольная интонация мало походила на вопрос.

– Ударная волна не смогла пробить нижние стёкла, однако, как известно, с высотой Пирамиды ширина наружных стен утончалась из-за уменьшения давления, оказываемого на них. Эти стёкла и не смогли выдержать обрушившуюся силу удара. Если рассматривать ту часть, которая лежала выше уровня воды, то она почти полностью отделилась от основного каркаса и сместилась под собственной тяжестью на западную сторону, – сообщил всё тот же сотрудник.

– Почему всё это не было предусмотрено?!

– Потому что астероид должен был упасть дальше и породить меньшую по силе ударную волну. Также вышедшие из-под контроля внешние агенты¹ повредили своим падением наружные стены, из-за чего давление в Пирамиде вышло из-под контроля. Здесь даже сравнительно небольшой толчок поспособствовал бы разлому стёкол...

– Астероид следовало перенаправить, когда обстоятельства приняли такой оборот, – перебил его голос моего отца.

– В распоряжении города не имелось техники, способной совершить данное действие. Была послана просьба об этом в наземную организацию, но мы получили отказ, обоснованный двумя причинами. Во-первых, запустить космическое тело по обратной траектории не способна ни одна техника, так как его сила и размеры, а также скорость полёта были очень велики. Отбить его в сторону, чтобы он прошёл по касательной относительно Земли, было слишком опасно, ведь он находился уже довольно близко к планете. Она могла просто-напросто притянуть астероид к себе, и неизвестно, куда бы он упал тогда. Попытаться, конечно, стоило, но здесь сыграла свою роль вторая причина, которая заключалась в нехватке времени. От поломки внешних агентов до падения астероида прошло сорок девять минут и тринадцать секунд. Чтобы осуществить меры защиты из космоса потребовалось бы, как минимум, в два раза больше времени.

За ширмой воцарилось недолгое молчание. Только чьи-то нервные постукивания ногой о пол неприятно давили на слух. Я сидел снаружи наспех сооружённого в прибрежном лагере

---

¹ Внешние агенты – в данном контексте имеются ввиду флайтеры и свимеры.

кабинета и слушал весь этот бред. Голова раскалывалась, а по пульсирующим вискам стекали бесчисленные капельки пота. Дело шло к вечеру, но дневная духота никак не хотела отступить и дать возможность ночной прохладе немного освежить моё состояние.

– Так, ладно, – нарушил молчание голос отца, – разбираться в причине произошедшего не наша прерогатива. Обсуждать это можно бесконечно. Сейчас же у нас есть более важные задачи. Город пал, но мы по-прежнему остаёмся главами и должны позаботиться о дальнейшем благополучии выживших граждан.

– Рик, приведи статистику, – скомандовал Ларген Диппен, дядя моего друга Верна.

Послышался скрип отодвигающегося стула, а также непривычное шелестение листов. Компьютеризовать временный кабинет, конечно, никто не собирался, поэтому приходилось обращаться к древнейшему переносчику информации – обычной бумаге.

– По последним подсчётам в нашем лагере расположилось две тысячи триста пятьдесят два человека. К Мексиканскому побережью продолжают пребывать наши корабли, и сейчас общее количество спасённых составляет семнадцать тысяч двести тринадцать человек. Это непосредственно те, кто был эвакуирован из города до момента его крушения.

Семнадцать тысяч... Из семи миллионов всего семнадцать тысяч. Как жаль, что в их числе есть те, кто устроил всё это.

– Также совсем недавно поступили данные с Австралийских берегов, куда на специализированных лодках были доставлены выжившие с места крушения.

В сердце резко кольнуло. Есть ещё выжившие, Ариана может быть там. Но каковы шансы?

– Их количество составляет шестьсот восемьдесят девять человек, из них – семьдесят находятся в тяжёлом состоянии и ещё тринадцать в крайне тяжёлом.

Нет, шансы слишком малы. Но пока есть хоть сотая доля процента того, что она всё же спаслась, я не потеряю своей надежды и буду верить.

– В свою очередь, следует упомянуть о без вести пропавших. В прошедшую ночь они управляли внешними агентами – флайтерами и свимерами. Наши датчики зарегистрировали сто восемьдесят пять машин, потерпевших крушение во время вспышки сбоя электроэнергии. Пятьсот три агента по приказанию были возвращены на свои базы. А триста двенадцать пропали с внутрисистемных радаров. Есть вероятность того, что они заподозрили угрозу и ушли дальше от места катастрофы, тем самым тоже оставшись в живых.

– Если это так, то они все должны быть отданы под трибунал, – узнал я жёсткий голос собственной матери.

– Никто не будет отдан под трибунал, – воспротивился ей отец.

– Они не выполнили приказ! – стояла на своём Вайлет.

– Они спасали собственную жизнь...

– Ха! – перебила она новую реплику отца. – Да я, как только узнала, что городу угрожает опасность, примчалась сюда с космического корабля, Саймон! Представь, что я бы не сделала этого, а осталась пережидать катастрофу за миллионы километров от неё, в безопасности! Знаешь, что бы тогда было?! – задала она вопрос и тут же сама на него ответила: – Ты бы лишился сына, Саймон!

– Хватит, Вайлет, это совершенно другое...

– Нет, не другое! Я не бросила город и близких ради спасения собственной шкуры. А эти пилоты просто трусы, не заслуживающие стоять в одних рядах с теми, кто помогал людям покинуть город. Это же внешние агенты, половинная часть нашей безопасности заключалась в их работе. Но как только они почуяли угрозу, так сразу забыли о всех своих обязанностях...

Дальше мой слух уже не улавливал её слов. Я пошёл по коридору на выход к главному помещению лагеря.

Здесь оказалось ещё душнее; десятки людей ютились в месте, похожем на большой амбар. Переизбыток чёрного цвета невольно вызвал во мне ненависть. Сердце по старой памяти устало ёкнуло, когда взгляд уловил чьё-то единичное серое одеяние, но тут же вновь замерло, когда в памяти возникла картина затягивающейся в морскую пучину Пирамиды.

Редкий в нашем лагере цвет одежды принадлежал худощавой женщине с русыми, уже тронутыми проседью волосами. Она сидела боком ко мне на низком шатком стульчике недалеко от выхода из амбара. В руках она держала нечто похожее на платок и утирала слёзы. По разорванной у нижнего бока тунике я понял, что «платок» являлся лоскутом её собственной одежды. На подрагивающее плечо женщины была опущена крупная ладонь рядом стоящего мужчины. Его каштановые волосы имели более обильную седину, однако ярко светящиеся голубым оттенком глаза придавали ему молодость. Около них прямо на полу, облокотившись на обшарпанную стену амбара, расположился парнишка, в точности повторяющий внешность своего отца и всё с теми же ярко-голубыми глазами. Он сидел на собственной майке, а его плечи, уже приобретающие мужественные очертания, блестели от пота. В руках парень бесмысленно вертел игрушечный флайтер, время от времени вздыхая и поглядывая на входящих и выходящих из лагеря людей.

Он заметил и меня, когда я безразлично прошёл мимо. Конечно, мне не было всё равно на семью Арианы, но я не мог смотреть им в глаза и разговаривать с ними после произошедшего, ведь я чувствую огромную вину за то, что не смог спасти их дочь. Хотя, в первую очередь, эту вину я ощущаю перед самим собой. Надо было хватать Ариану, и, если бы пришлось, насильно затащить её на корабль, где она была бы уже в безопасности.

И сейчас я ещё больше ненавижу себя за то, что готов пожертвовать всей её семьёй лишь бы только она была жива и стояла рядом со мной. Пусть бы Ариана ненавидела меня, пусть навсегда бы отвернулась – всё равно она была бы жива, и ценнее этого для меня ничего не может быть. Только её жизнь являлась для меня бесценной, и именно этого я лишился.

Два дня и три ночи – в этом коротком сроке заключалась вся моя жизнь. Слишком мало для возможного века существования. И слишком ценно, чтобы просто отпустить. Время сможет залечить эту рану только в том случае, если повернёт вспять. Но обратный путь не подвластен временному измерению, а значит, в моём сердце всегда будет кровоточить шрам.

Я шёл по песчаному берегу, оставляя глубокие следы в рыхлом горячем песке. Жара наконец начала отступать, но душный ветер по-прежнему затруднял дыхание. Непривычно длинные волны начинали образовывать гребни далеко от береговой линии и доходили до моих ног только холодной пеной. Солнце уходило за горизонт – туда, где на тихоокеанском дне покоился затопленный город. Нет больше Пирамиды, нет дома, нет тех людей, что наполняли его повседневной суетой. Ничего нет.

Как быстро всё случилось. Сутки назад мы гуляли с Арианой по развлекательному центру, затем отправились в Моден Раунд. Могли ли мы тогда подумать, где окажемся сегодня? Конечно, нет. Когда человек счастлив, он не думает о завтрашнем дне, а живёт сегодняшним, ведь ему кажется, что так будет всегда. Но прежнего уже никогда не будет.

Со стороны лагеря послышалось тихое жужжание и шуршащие по песку шаги. Игрушечный флайтер облетел меня и помчался навстречу очередной прибывающей волне. Кто-то остановился совсем рядом, чуть позади меня. Я знал, что если обернусь, то непременно встречу сожалеющий взгляд сине-голубых глаз.

– Ты не виноват, – хриплым ломающимся голосом проговорил Аллен.

Что-либо отвечать я не спешил. Сделав глубокий вдох, я опустил руки в карманы своих чёрных штанов, наблюдая за плавным полётом флайтера. Тут же в голове всплыла картинка проносившейся мимо моего балкона огромной машины, которая на несколько секунд затмила собой тёмно-бордовое небо.

– Расскажи... о ней, – зачем-то попросил я. – Ты ведь хорошо её знал.

Аллен сделал шаг вперёд, поравнявшись со мной.

– Я знаю её как сестру, – начал он. – И она самая здоровая сестра на свете. Всегда трепала мне волосы... Я делал вид, будто мне это не нравится, но на самом деле было приятно. Большую часть времени сидела в комнате и учила уроки, иногда просто лежала на кровати и, глядя в потолок, о чём-то думала. Не любила смотреть вечерние новости и кушать смеси.

На этих словах я горько усмехнулся, проговорив:

– А кто их любит?

Он пожал голыми плечами и продолжил:

– Мне нравилось рассказывать ей о том, что я узнавал на очередных технологических курсах. Не знаю, было ли ей интересно, но она всегда терпеливо слушала до конца. После этого я обязательно спрашивал, как её дела, а она неизменно отвечала: «Всё хорошо». Только один раз я услышал от неё слова, что всё замечательно. Это было три дня назад, когда, после новогодней ночи, она вернулась домой под утро с усталым, но невероятно счастливым видом. – После недолгого молчания, он добавил: – Она любила тебя.

Она любила меня... Но успела сказать об этом лишь единожды, до того, как я оставил её одну за дверью своей виллы.

Она любила меня... И за то, чтобы ещё хоть раз услышать от неё эти слова, я готов отдать всё, но даже этого слишком мало для суровых законов природы.

Она любила меня... И я любил. Вот только понял это слишком поздно, из-за чего мной впустую были потрачены полгода жизни. Это вечность по сравнению с тем, сколько времени мы провели вместе.

Она любила меня... А я не смог её спасти.

Глаза неприятно обожгло от подступивших к ним слёз. Я сомкнул веки, и на ресницах повисло несколько солёных капель. Сорвавшись вниз, они оставили на горячей щеке мокрые дорожки и упали в воду, что пенилась под ногами. Волна унесла непрошенные слёзы. Пусть они были лишь песчинкой в океане, но когда-нибудь эти песчинки достигнут того места, где навсегда застыли осколки умершего города, оставившие в моём сердце неизгладимую рану.

Глава 3

Осколки памяти

– Повреждён лучезапястный сустав, а также наблюдается разрыв связок кисти левой руки. Неполный перелом малоберцовой кости, смещение седьмого и восьмого ребра на той же левой стороне. Рассечена правая бровь. Черепно-мозговые травмы по первым данным отсутствуют. Многочисленные порезы на коже. Три из них неблагоприятного характера, из которых пришлось извлекать осколки. Жизненно важные органы задеты не были, но немного нарушены зрительные рефлексы. Могут быть проблемы с фокусировкой, но это исправимо, если она даст согласие на оперативное лечение. Полагаю, это произошло из-за чрезмерного светового воздействия, что оказала вспышка астероида. Общее состояние удовлетворительное. Концентрация морфина в крови значительно снизилась, поэтому она может проснуться в любой момент, – закончил врач, в речи которого слышался лёгкий акцент.

– Дайте ей обезболивающее, – с некоторой заботливостью проговорил мужской голос.

– Только когда она придёт в сознание, – ответил другой.

«Я в сознании», – хотелось сказать мне, однако какая-то трубка в горле сильно мешала.

С трудом мне удалось разлепить глаза, но, вопреки ожиданиям, их не ослепил свет. Помещение было мрачным, с серым, будто глянцевым потолком, нечётко отражающим комнату. С правой стороны находилось большое окно, которое выходило на какой-то коридор. В свете приоткрытой двери мелькали чьи-то тени, откуда и доносились голоса.

Дышать было тяжело, так как грудь туго стягивал лечебный корсет. Аналогичное сдавливание чувствовалось и на левой ноге. Протянутый к горлу через носовой ход зонд затруднял глотание и вызывал рвотный рефлекс. Я потянула руку к трубке, но дёргать побоялась. Её противоположный конец, должно быть, находится где-то в области моего желудка, и одним неправильным движением я могу повредить слизистую. От этой мысли стало ещё неприятней.

Не успела я опустить руку обратно, как в палату влетел врач с седыми волосами, но не согнутой временем спиной.

– Не нужно так делать, – обеспокоенно проговорил он, подходя ко мне и поправляя крепление зонда.

– Снимите... – шепчущим голосом попросила я.

– Нельзя снимать, – твёрдо сказал мужчина, затем с лёгким акцентом добавил: – Через него поступает необходимая для тебя пища.

– Не хочу есть. Не люблю смеси, – зачем-то осведомила я врача о совершенно бесполезном факте. Мозг, наверное, ещё очень плохо соображал.

Видимо, мужчина это понял, поэтому лишь рассмеялся.

В этот момент в комнату вошёл кто-то ещё. Я разглядела только чёрную одежду; черты лица немного двоились в глазах. Не зря врач говорил о нарушении фокусировки, видеть я и в самом деле стала значительно хуже. Надеюсь, это пройдёт.

– Дышать тяжело... – всё тем же шёпотом проговорила я после того, как попыталась сделать глубокий вдох.

– Повязка давит? – спросил врач.

Я слегка кивнула, отчего трубка в горле неприятно шевельнулась.

– Ослабьте немного, – проговорил мужчина в чёрном, что по-прежнему стоял около двери.

Мне почему-то хотелось, чтобы он подошёл ближе. Тогда бы я как следует смогла рассмотреть его лицо. Ведь это он был в лодке и его голос казался мне таким знакомым. Думаю, увидев лицо, я бы сразу поняла, откуда его знаю.

– У неё перелом со смещением двух рёбер. Корсет удерживает их в правильном положении, – сказал врач, после чего обратился ко мне: – Голова кружится?

– Нет, – хрипло протянула я.

Доктор кивнул, затем посмотрел на экран, где отображались, как я поняла, данные о моём состоянии. Сама я ничего разглядеть не могла: все цифры удваивались или даже утраивались в глазах.

– Содержание кислорода немного снижено, но в допустимой норме, – проговорил доктор. – Если вдруг закружится голова, скажи, и мы поставим тебе кислородную маску.

Я несколько раз моргнула, давая понять, что услышала его слова.

– Что-нибудь болит? – спросил доктор, подходя к монитору.

– Вы шутите? – Я бы рассмеялась в этот момент, но моё состояние не позволяло. – Лучше спросите, что не болит.

– Потерпишь, или вколоть обезболивающее? – Он повернул голову ко мне через плечо.

– Потерплю, – услышала я долю героизма в собственном голосе.

Я увидела некоторое шевеление у выхода из палаты. Мужчина в чёрном, расправив края кожаной куртки, опустил руки в карманы и облокотился на дверь, отчего та плотно закрылась.

– Расскажи мне, что ты помнишь? – продолжал расспрашивать меня врач.

Я устремила глаза к потолку, обдумывая вопрос.

– Вы имеете в виду, из моей жизни... или из того, что произошло? – с трудом выговорила я срывающимся на глухость голосом.

– Просто, что первое приходит в голову, – пояснил доктор, вводя какие-то символы в компьютер.

Я опустила глаза на человека, стоящего напротив моей кровати. Я точно его знаю, сердцем чувствую.

Доктор, повернувшись ко мне в очередной раз, проследил за моим пристальным взглядом и спросил:

– Знаешь его?

Я закрыла глаза в надежде на то, что образ сам по себе возникнет в голове. Почему-то на ум пришла массивная серебряная цепь и незнакомый по виду гаджет на протянутой ко мне руке. Я открыла глаза, чтобы проверить, есть ли данные предметы на этом человеке. К сожалению, издавек мне было непонятно. Кажется, какая-то цепь висела на шее, но она была спрятана под майкой и цвет её казался неясным.

– Не вижу лица, – проговорила я. Собственный голос было просто не узнать.

Не успел врач чего-либо сказать, как мужчина в чёрном отпрянул от двери и, вытащив руки из карманов, направился к моей постели.

Я не отрывала от него взгляда, чувствуя, как учащается моё сердцебиение с его приближением.

Мужчина пододвинул к кровати стул, что располагался под окном, и, развернув спинкой вперёд, перекинул через него одну ногу и сел лицом ко мне.

Да, теперь я точно знаю, что это он был в лодке, ведь глаза были теми же самыми, мутно-зелёными. И я точно видела эти глаза прежде. Нет сомнений в том, что я знала этого человека. Но откуда? И насколько близко?

– И? – поинтересовался доктор, глядя, как пристально я рассматриваю лицо рядом сидящего.

– Не помню, – выдохнула я, отворачиваясь от него.

Молодой человек бросил удивлённый взгляд на доктора, а тот спросил меня:

– Как тебя зовут, помнишь?

Ариана – пронеслось в моей голове. Да, конечно, помню.

Я слегка кивнула и озвучила имя.

– Так-так, – проговорил доктор вновь разворачиваясь к монитору компьютера. – Имя отца?

– Адриан Делор, – тут же ответила я.

– Матери? – доктор поспешно начал щёлкать по сенсорным клавишам.

– Марселла...

– Кого ещё помнишь? – перебил он меня очередным вопросом, не дав договорить фамилию.

– Аллена, – машинально назвала я следующее имя, и тут же в голове возник образ мальчика с огромными голубыми глазами и с зачёсанными набок каштановыми волосами. Почему-то мне непременно захотелось растрепать их. – Это брат, – пояснила я после непродолжительного молчания.

– Хорошо, – поощрительно кивнул доктор. – Друзья были?

Меня очень насторожило слово «были». Они есть и будут всегда.

– Даррен, – вспомнила я имя друга и почти сразу назвала ещё одно: – Майна.

«Рина!» – послышался её крик в моей голове. – «Останови бойл, нужно забрать её».

Внезапно я почувствовала, как кровь стала приливать к голове, а тело пронизало страхом.

– Нет... – Я хотела воскликнуть, но севший голос не позволил.

Доктор резко обернулся ко мне.

– Что нет? – обеспокоенно спросил он.

Молодой человек, что сидел на стуле, заметно встревожился.

– Не надо меня забирать. – Я покрутила головой и, бросив испуганный взгляд на доктора, взмолилась дрожащим голосом: – Пожалуйста, скажите, чтоб не забирали меня. Скажите им, что я в порядке. Пусть выбирают сами.

На этих словах я попыталась приподняться на постели, но тяжёлая рука удержала меня. Врач же бросился к полке с какими-то ампулами, в спешке пытаясь найти нужный препарат.

– Вы не понимаете, – чуть ли не плача продолжала я стоять на своём, пытаясь высвободиться из хватки. – Они погибнут!

– Тише-тише, – пытался успокоить меня мужчина.

Врач уже спешил к кровати с набранным шприцем.

– Нет, не надо мне ничего колоть! – уже во весь голос кричала я. – Пожалуйста, помогите им!

Помимо голоса кричало и всё моё тело, разрываясь от боли, которая ещё больше пронзила меня от напряжения и волнения.

Доктор производил какие-то манипуляции, крепко держа мою здоровую руку, но я ничего не чувствовала. В голове вертелись ужасные мысли, невероятный хаос.

Я сижу под какой-то железной дверью. Она меня не выпускает. Почему она не выпускает? И где это я вообще? В окно бьёт яркий свет. Он слепит глаза, и я роняю из рук сот. Перехожу по коридору в чью-то спальню. Это не моя комната, однако она кажется очень знакомой. Портьера отъезжает в сторону, а я точно знаю, что увижу за ней. Там должно быть чёрное небо с множеством светящихся вкраплений, а также темнеющий вдали океан. Но картина почему-то иная. В ушах начинает нарастать шум. Он закладывает слух, или же это я закрыла уши. Резкий порыв ветра вносит меня вглубь комнаты, а затем сильный толчок откидывает к стене. Сердце колотится, как ненормальное. Страх сковывает всё тело. Я кого-то вспоминаю, кого-то жду, за кого-то боюсь. Это не родители, не брат. Это кто-то другой.

«Падай, я поймаю» – бесчисленно слышится голос в моей голове.

Я встаю на дрожащие ноги и бегу вперёд. Пол быстро уходит назад, и мне хватает всего нескольких больших шагов, чтобы достичь террасы. Я вижу перед собой пылающее фиолетовое небо. С разбегу ступаю на перила балкона и прыгаю навстречу звёздам...

Потом лечу вниз. Дыхание перехватывает, и я падаю на стекло, сильно ударяясь левым боком, отчего меня резко пронзает боль в запястье, ноге и рёбрах. По наклонной грани меня быстро уносит вниз, а мелкие осколки больно впиваются в кожу. Я пытаюсь за что-то ухватиться, но сплошное гладкое стекло не позволяет. В глазах всё мелькает, будто планета крутится вокруг меня. Пирамида всё сильнее отклоняется, и моё скольжение постепенно затормаживается. Но стекло подо мной вдруг обрывается, и я вновь в свободном падении лечу вниз. На этот раз меня подхватил океан, отчего падение стало более щадящим. Ледяная вода ещё миллионом осколков впивается в тело. Я пытаюсь выплыть, но меня затягивает вглубь. Руки и ноги немеют, и я отпускаю все усилия...

Перед глазами предстаёт страшное зрелище. Я вижу город снаружи: огромный, конца не разглядеть ни с одной, ни с другой стороны. Он уходит вглубь, ломая собственные стены. Весь вспыхивает светом и тут же гаснет. Это повторяется несколько раз и больше похоже на предсмертную пульсацию города. Он идёт всё дальше ко дну, в темноту. Его уже почти не видно, когда кислорода в моих лёгких начинает катастрофически не хватать. Я запрокидываю голову в надежде увидеть звёзды. Мне не удаётся, однако я чувствую, что меня больше не тянет вниз. Делаю мах онемевшей рукой. Грудь стянулась, и мне, как никогда, хочется сделать хотя бы один скупой глоток воздуха. Ощущаю, как солёная вода сама тянет меня вверх, но собственных сил уже не осталось. Закрываю глаза... и делаю вдох.

Боль неожиданно начала стихать, а сердцебиение восстанавливаться. Надо мной виднелся всё тот же серый потолок, а также две пары глаз, устремлённых на меня.

– Всё нормально? – спросил доктор.

Я неуверенно кивнула.

– Хорошо, – спокойно проговорил он же, отпуская мою руку.

По всей видимости, прошло всего несколько секунд, а перед глазами успел пронестись самый страшный момент из моей жизни.

Другую руку по-прежнему держал мужчина в чёрном. Я перевела взгляд на него, в очередной раз надеясь вспомнить, кто он такой. Цепь, что висела у него на шее и уходила под майку и в самом деле была серебряного цвета, а на запястье красовался массивный гаджет.

– Откуда я тебя знаю? – шепнула я, не сводя с него глаз.

– Правда не помнишь? – спросил мужчина с некоторой улыбкой на губах.

Я промолчала.

– Фрагментарная амнезия, – сказал доктор. – Такое иногда бывает после сильного испуга. – Он задумчиво потёр подбородок, а затем как ни в чём не бывало вернулся к компьютеру, вновь делая какую-то запись.

Я же продолжала рассматривать молодого человека, что стоял рядом.

– Ариана, – негромко позвал он, ослабив хватку на моей руке и легко скользнув пальцами по коже. – Как ты можешь не помнить? – огорчённо сведя брови, спросил он. – Я – Виктор.

Виктор... Нет. Или да. Не помню, чтобы это имя когда-то слетало с моих губ, но оно мне смутно знакомо.

– Виктор, – повторила я, и губы дрогнули от непривычного звучания.

– Да, – подтвердил он. – Вспоминаешь?

– Ты должен был прийти за мной... – с долей укора проговорила я.

– Прости, – с сожалением сказал Виктор. – Я не успел.

– Почему? – Мой голос опять сорвался на шёпот, а к глазам подступили слёзы. – Мне было так страшно.

Он сжал мою ладонь и чуть приклонился ко мне.

– Это в прошлом. С тобой всё хорошо. Ни о чём больше не думай.

После данных слов Виктор наклонился ещё ближе и слегка поцеловал в лоб.

Тёплое прикосновение его губ показалось мне очень родным. Да, это был он.

Глава 4

Отголоски катастрофы

На берегу собралось много народу: все столпились вокруг доставленных к нам новых свимеров, которых за прошедшие два дня прибыло не меньше сотни.

Когда выяснилось, что триста двенадцать внешних агентов не вернулись на базу во время тревоги, на их поиски отправили специальные отряды. Пропавших искали в радиусе тысячи километров от Пирамиды, и вот уже почти половина из них была найдена. Те люди, которых извлекали из свимеров или флайтеров, с каждым разом выглядели всё хуже. Оно и понятно, ведь им пришлось провести не меньше трёх дней в стальных клетках.

Вот прибыли очередные. Я стоял позади, и мне не было видно, сколько человек доставили на этот раз. Где-то впереди маячил Аллен, который то и дело подсакивал на носочки, дабы хоть что-то разглядеть.

Признаться, меня совсем не интересовали прибывшие люди. Я находился здесь только потому, что внутри лагеря была полнейшая парилка. И как только возможно жить в такой жаре? В Пирамиде никогда не было с этим проблем. Что такое холод и жара, большинство жителей знали только в теории. Конечно, местные привыкли к такому климату, но сколько времени понадобится нам, чтобы адаптироваться? Мне кажется, проживи я тут хоть до конца жизни, всё равно буду просыпаться в горячем поту каждую ночь, задыхаясь от нехватки воздуха.

– Эй! – послышался грозный мужской оклик. – Выходи давай!

– Вы бы помогли ему, – сказал кто-то из толпы впереди стоящих. – Он же не в силах, бедный.

– Сейчас ты будешь не в силах стоять на собственных ногах, малёк, – грубо ответил тот с сильным акцентом, после чего отдал приказание своим подчинённым: – Вытащите его!

Сразу становилось ясно, что этот человек не из наших. Да-а, здесь мы никто. Нет никаких блэкеров, уайтеров и грэйеров. Для местных все мы просто ничтожные людишки. Такое ощущение, будто им вообще наплевать на то, что мы лишились дома. Каким же всё-таки подлым бывает народ. Ни капли жалости и сострадания, только грубые приказания и сплошные запреты, как, например, «из лагеря ни на шаг» или «в воду не лезть».

– Стойте, подождите! – вывел меня из раздумий знакомый хриловатый голос. – Я знаю его!

Парень в серой одежде, что маячил впереди, ринулся к людям в синей униформе, расталкивая толпу.

– Аллен! – окликнул я парня и заторопился следом за ним.

Кого он там узнал? Впрочем, неважно. Кто бы ни был, главнокомандующему это не понравится.

– Что там ещё?! – словно по моим словам воскликнул мужчина в синей униформе.

Люди расступались, пропуская сначала спешащего и взволнованного Аллена, а затем недовольного меня.

Я вышел на свободное от толпы пространство, и тут же глазам предстали семь свимеров, омываемых прибрежными волнами. Их стальной корпус блестел на солнце, а вёртели продолжали крутиться, разбрызгивая попадающую в них воду. Люди из местного разведывательного отряда стояли по всему береговому периметру. Двое из них подхватили Аллена, а ещё двое уже спешили ко мне.

– Чего высунулись вы оба? – всё с той же недоброжелательностью проговорил главнокомандующий.

На вид он был ещё суровой, чем его голос. Над мелкими чёрными глазами нависала одна сплошная густая бровь, изломанный приплюснутый нос, казалось, утерять свою функциональность, от угла кривого рта до левого уха проходил выпуклый белый шрам, который сильно выделялся на смуглой коже.

Честно говоря, всегда побаивался этого типа, но Аллену, кажется, было всё равно. Он яростно пытался вырваться, однако хватка оказалась слишком сильной.

– Я просто хочу помочь, – проговорил он, успокаиваясь.

– Ха-х, – рассмеялся главнокомандующий. – Да ты себе помочь не в силах, малёк, не то что этим, – махнул он куда-то в сторону.

Я проследил за его движением и только теперь заметил шестерых мужчин различного возраста, преимущественно в серых одеждах, стоящих на берегу, чуть поодаль. Двое из них обессиленно сидели на песке, один стоял, упёршись ладонями о колени, ещё одного, кажется, рвало немного в сторонке. У всех них был ужасно замученный и потрёпанный вид. Бедные люди. Три дня они провели без еды и воды, и вместо того, чтобы оказать им срочную медицинскую помощь, их держат на этой жаре.

К ним подвели ещё одного и, швырнув бедолагу на песок, отошли в сторону. Этот выглядел моложе остальных. По крайней мере, так мне показалось по телосложению, лица я ещё не видел. Его засаленные волосы золотились в лучах дневного солнца, и всё тот же серый костюм был сильно помят и чем-то измазан. Парень опёрся трясущимися руками на песок и с трудом поднялся на ослабленные ноги. Сердце сдавило в груди от жалости, но неожиданно резко стукнуло, когда он повернулся лицом.

– Даррен... – выдохнул я от удивления.

Надо же, никогда бы не подумал. Кого угодно ожидал увидеть, но только не друга Арианы. Меня даже накрыло лёгкое чувство радости, которого я ещё ни разу не испытал после произошедшего. Это доказывает, что чудеса случаются, а значит, не всё ещё потеряно. Не представляю, каким образом, но Ариана тоже могла спастись. Я ведь не видел списков имён из других лагерей и тех, кто был доставлен в Австралию. Пусть даже так далеко, но мне и этого хватит. Главное – знать, что она жива.

– Вы не имеете права так с ними обращаться, – негромко проговорил я под испепеляющим взглядом мелких чёрных глаз.

Мужчина только вновь оскорбительно рассмеялся.

– В чём дело, Варгас? – перебил его злорадный смех голос моей матери. Она прошла с несколькими своими подчинёнными мимо людей в синей форме и остановилась около нас с Алленом, глядя на главнокомандующего. – Почему держите моих людей?

– Они мешают делу, – сурово ответил тот. От бывшего смеха не осталось и следа.

Мать посмотрела на тех двоих, что держали меня и приказала:

– Отпустите его, – затем перевела взгляд на Аллена, добавив: – И этого тоже.

Нас выпустили из грубой хватки, и она обратилась к главнокомандующему, смуглое лицо которого в этот момент приобрело яростный красный оттенок.

– Занимайтесь своим делом, Варгас. Они больше не помешают. А вы оба, – обратилась она к нам, – за мной, – после чего двинулась туда, откуда пришла.

Я последовал за ней, бросая последний сочувственный взгляд на Даррена. Тот даже не заметил меня. Он покачиваясь стоял на ногах, подставив обливающееся потом лицо навстречу палящему солнцу. Я не видел его больше полугода и точно могу сказать, что он сильно изменился. Это был уже не тот улыбчивый, немного худощавый парень, любивший на досуге поиграть в шатры. Он сильно возмужал, на руках заметно прибавилось мускулов, а тонкая мокрая кофта обтянула рельефный пресс. Золотистая щетина густо покрывала лицо, но это, скорее, следствие трёхдневного заточения. И вновь моё сердце жалостливо сдавило в груди. Бедный парень...

Мы вошли в переполненный лагерь, и тут же в носу завитал кисловатый запах пота. Мать, не останавливаясь, направилась к коридору, что вёл к единственному кабинету, где проходили совещания. Один из её подчинённых придержал Аллена перед дверью, сказав:

– Свободен, парень.

Тот закатил глаза и, подав мне какой-то неопределённый знак бровью, пошёл к своему местечку у выхода из амбара, которое было обозначено его смятой и почерневшей от грязи майкой.

Я же прошёл по коридору в кабинет, в котором оказалось довольно прохладно. По телу даже пробежались мурашки от приятного ощущения свежести.

– Я, конечно, рада, что ты нашёл себе друга, – начала мама, – но не стоит сразу кидаться с ним на поиски приключений.

Я ничего не ответил и только сел на ближайший от меня стул. Мать остановилась во главе стола, но садиться не спешила. Её взгляд сменился некоторой обеспокоенностью, когда она обратила внимание на мою подавленность.

– Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо.

И вновь я промолчал, отвернув от неё хмурое лицо.

– Ты бы не успел, Лео! Как ты этого не понимаешь?

Я непременно пожелал многое высказать ей в этот момент. Хотелось крикнуть, что я любил Ариану, и что лучше бы я умер вместе с ней, чем жил так. Но разве моя мать это поймёт? Она всегда будет думать, что сделала для меня только лучше.

Передо мной на столе лежали какие-то бумаги, и я бессмысленно вглядывался в буквы, что были написаны на них. Кажется, там значились какие-то имена. Я придвинул один из листочков к себе и прочитал надпись на самом верху:

«Лагерь №: 4

Дата прибытия: 3.1²

Время прибытия: 13:16

Количество прибывших: 1206»

Ниже шли имена прибывших. Я торопливо забегал по ним глазами в поисках знакомых.

– Ты её там не найдёшь, – сказала мать, заметив листок в моих руках.

Я пропустил её слова мимо ушей, продолжая сканировать имена.

Из знакомых в четвёртом лагере я увидел только Сайнею и Роя. И то хорошо. Хотя я и не сомневался, что мои друзья в порядке: они же блэкеры. В третьем лагере был Верн Диппен, а также ещё парочка моих знакомых по работе. Во втором лагере известных мне имён оказалось больше всего. С некоторой радостью для себя я обнаружил там и Мэрэдит. Но удивляться опять-таки было нечему, ведь её отец является главным помощником моей матери. Первый лагерь я просматривать не стал, ведь каждого человека здесь я знал уже в лицо. Дальше я просмотрел пятый, потом шестой, затем седьмой. Глаза уже слезились от перенапряжения, когда я взял в руки последний, восьмой, в котором оказалось меньше всего имён. Он и прибыл на берег самым последним, аж вечером того дня. Я решил не осматривать все имена, а просто пробежаться по первым буквам указанных фамилий. Сердце слегка подпрыгивало в груди, стоило попасться на глаза букве «Д». Но нет... все эти буквы были началом других фамилий.

Когда список кончился, я откинул листок в сторону и посмотрел на мать, которая всё это время неподвижно сидела во главе стола, опёршись локтями на стол и опустив подбородок на сцепленные пальцы.

– Здесь не все, – кивнул я на стопку бумаг.

Мама только недоумённо приподняла бровь.

---

² Дата прибытия: 3.1 – третье число первого полугодия.

– Я не увидел Викторiana. – Конечно же, он выжил, и если его нет в этих списках, значит, должны быть какие-то ещё. – Из Австралии вам ведь тоже присылали? – спросил я.

Она безэмоционально кивнула.

– Хочу посмотреть...

– Викторiana там, если тебе интересно, – перебила она меня.

– Мне всё равно, где он. Просто из-за его отсутствия в этих списках, я сделал вывод, что есть ещё один, – пояснил я, затем негромко добавил, указывая на стопку: – Здесь нет Морал.

Её и в самом деле не было, а ведь это второй по значимости человек, из-за которого я вообще притронулся к этим документам.

Мама недовольно вздохнула и, встав со стула, подошла к небольшому шкафу, что стоял позади. Из одного его отсека она извлекла белоснежный листок бумаги, на одной стороне которого мелкими буквами уместились все имена.

Я, немного волнуясь, взял его в руки и стал просматривать. Имя Викторiana значилось одним из первых, но до конца первого столбца никого знакомого я больше не встретил. Взгляд пал на вторую колонку. Чем ниже опускались мои глаза, тем сильнее на лбу выступали капельки пота, несмотря на прохладу вокруг. На третьем столбце я почувствовал, как затряслись руки, а дальше просто-напросто буквы поплыли перед глазами. Не знаю как, но я дошёл до конца списка, и меня буквально затрясло изнутри от ненайденных и так нужных мне имён. Я выпустил листок из рук и, встав со стула, вышел из кабинета.

В пустом коридоре было как всегда мучительно душно. Я припал к противоположной стене, глотая ртом горячий воздух. Ни Арианы, ни Морал. Помимо этого, я вспомнил, что не увидел в списках и Матео. Но я надеялся, что тут всё же сыграла моя невнимательность. Я ведь не знал его фамилии, а список из восьмого лагеря вообще просматривал мельком. Надо будет ещё раз пробежаться глазами. Может, и Морал окажется где-то там. Уверен, они должны быть! Я просто их не заметил...

Глава 5

Под музыку дождя

Пропитанная мыльным раствором губка плавно скользила по коже, приглаживая тонкие светлые волоски и оставляя за собой влажную дорожку. Девушка в белом халате, по виду немного старше меня, то и дело промакивала её в металлической ёмкости и вновь прикладывала к моему телу, чтобы смыть ненужные запахи. В палате было светло и уютно. Практически никакой боли от полученных ран я уже не ощущала, только чувствовался лёгкий дискомфорт в области груди, которую продолжал туго стягивать лечебный корсет. Но это ничто по сравнению с тем, как было три дня назад. Больше всего меня радовало, что мои носовые ходы наконец-таки освободили от дурацкого зонда. Теперь я ела сама, чувствуя вкус пищи, которую потребляю. Но лучше бы я её не чувствовала, так как она оказалась не намного вкуснее смесей.

Закончив с обмыванием, медсестра помогла мне влезть в свежую больничную рубашку и улечься поудобнее на кровати. Она заботливо меня укрыла, чтобы тело согрелось после купания, а сама принялась за уборку палаты.

– Откройте жалюзи, пожалуйста, – попросила я, указав на зашторенное окно.

Медсестра всегда закрывала его на время купания, чтобы с коридора не было видно палату.

– Конечно, мисс, – улыбнулась она и, подойдя к панели функционального управления около монитора компьютера, нажала на какую-то кнопку.

Жалюзи поехали в сторону, являя передо мной вид на противоположную стену коридора, ярко освещённую люминесцентными лампами. Мне нравилось, когда штора была открыта. Это позволяло мне видеть, кто проходит мимо моей палаты, что немного скрашивало моё одинокое времяпрепровождение. Как никогда мне хотелось чьего-то общества, но, будто назло, единственными моими посетителями являлись врач и медсестра. Лишь пару раз ко мне заходил Виктор, но в его присутствии почему-то все мысли из головы улетучивались и я совершенно не знала, о чём говорить.

Так хочется вспомнить, какие отношения у меня с ним были в прошлом, но на ум приходят лишь непонятные обрывки. Разве могла я забыть человека, с которым меня связывали близкие отношения? Мне кажется, нет. Отсюда делаю вывод, что мы не были с ним близки. Тогда почему он так заботится обо мне, переживает? Да и я ощущаю какое-то спокойствие и умиротворение в его присутствии. Наверное, отчасти потому, что в моём новом окружении он единственный человек из Пирамиды – из родного мне места. Нас объединяет одно горе и это, безусловно, сближает. Хотя здесь, наверное, должны быть ещё наши люди, мы ведь не единственные, кто остался цел. Ведь так? Разумеется, так, потому что где-то непременно должны находиться мои родители, брат, Майна. Остаются они в Пирамиде, их бы уже не было. А такого не может случиться. Я знаю, что они в порядке и все вместе ждут моего выздоровления. Спросите, откуда я это знаю? Да просто знаю и всё, чувствую так...

В ушах гремел стук ампул и пробирок о стекло – это медсестра переставляла их с места на место в металлическом шкафу. Я умиротворённо наблюдала за её действиями, выкинув из головы все лишние мысли. Краем глаза я увидела, что за окном с правой стороны появился кто-то в тёмной одежде. Я перевела взгляд туда и столкнулась с мутно-зелёными глазами, отчего кожу обдало лёгкими мурашками. Виктор приветливо махнул мне рукой, а меня озарила немного смущённая улыбка. Жестом он дал понять, что скоро вернётся, и скрылся из виду. Я поспешила пригладить волосы на голове и зачем-то перекинула их на одно плечо. Затем слегка потёрла щёки, чтобы они хоть немного приобрели жизненный оттенок.

Дверь в палату приоткрылась, и взор медсестры тут же обратился к моему посетителю.

– Добрый день, мистер Фрайс. – Она оставила все свои колбы с ампулами и помогла ввести Виктору в палату механическую каталку.

Как я поняла, данное средство передвижения предназначалось для меня на ближайшее будущее, пока не срастётся кость левой ноги. В иной раз данная перспектива меня бы не особо порадовала, но сейчас я и не на такое готова пойти, лишь бы только выбраться из своей одиночной белой камеры.

На правом подлокотнике каталки виднелся небольшой рычажок, а через спинку был перекинут какой-то предмет одежды чёрного цвета.

– Привет, – ещё раз поздоровался со мной Виктор, останавливая каталку около моей кровати.

– Привет, – сказала я, приподнимаясь на подушке.

Медсестра вернулась к своей работе, предварительно бросив взгляд на показатели моего состояния, что значились на экране компьютера. Я тоже посмотрела туда – всё было в норме, только пульс слегка увеличился.

– Ну что? – оживлённо спросил Виктор, присаживаясь на стул в своей любимой манере – спинкой вперёд. – Готова к прогулке?

– К прогулке? – радостно удивилась я. – Серьёзно?

– Почему нет? Врач разрешил. – На этих словах он взял чёрную одежду, что висела на спинке каталки и, протягивая её мне, проговорил: – Только тебе нужно переодеться. Сможешь?

Я недоумённо вскинула бровь, глядя на протянутые вещи.

– Мне нельзя носить чёрное.

Виктор улыбнулся, проговорив:

– Здесь можно.

От его слов меня накрыло очень странное ощущение, словно я испытала дежавю. Не знаю почему. Может, я и вправду уже слышала эти слова раньше? Но кто мог предложить мне надеть блэкеровскую одежду? Конечно, никто. Видимо, я просто переутомилась.

Не дожидаясь, пока я наконец решусь взять из его рук кофту, Виктор положил её рядом со мной на кровать, а сам встал со стула и направился к двери.

– Помогите ей, – обратился он к медсестре и, прежде чем покинуть палату, добавил: – Я подойду, как будешь готова.

Виктор вышел, а я взяла кофту и покрутила её в руках. По виду она была уже ношеной, да и пахла какими-то женскими духами. Размер был чуть великоват, но мне грех жаловаться – найти вещь на меня всегда проблематично, так как всё висит мешком.

Я откинула одеяло, а медсестра помогла мне сесть на кровати. Стянув недавно надетую больничную рубашку, я нырнула в кофту, глубже почувствовав чужой запах духов.

– Ай, – визгнула я, когда медсестра пыталась просунуть мою забинтованную ногу в штанину чёрных брюк. Хорошо, что они тоже были мне великоваты, иначе моя фиксированная утяжкой голень туда бы не влезла.

Когда с переодеванием было покончено, я откинулась обратно на подушку и только тогда обратила внимание, что медсестра забыла зашторить окно. Причём мысль о том, что меня никто не увидел, улетучилась сразу же, ведь за стеклом, облокотившись на противоположную стену коридора и скрестив руки на груди, стоял Виктор, а на его лице играла едва заметная улыбка. Поймав мой взгляд, он отпрянул от стены и направился в сторону входа в палату.

Он что, следил за тем, как я переодеваюсь? Конечно, на мне было бельё, да и корсет на груди много прикрывал, но всё равно – важен сам факт. Не знаю почему, но меня это не смущало, разве что чуть-чуть... от стеснения.

Буквально через несколько секунд после того, как Виктор вышел из поля зрения за окном, он появился на входе моей палаты. Медсестра пододвинула ко мне каталку, а я откинула в сторону своё одеяло, сдвигаясь на самый край кровати.

– Нет-нет, стой, – забеспокоился Виктор, подлетая ко мне. – Я сам.

После этого он нагнулся ко мне и просунул одну руку под мою спину, а вторую под колени. Я ощутила запах его дурмящих духов, а моя рука на автоматизме обвила его шею. По телу пробежался приятный холодок, но тут же он сменился теплом, что излучало моё довольное, трепетно застучавшее от его прикосновений сердечко.

Не прилагая особых усилий, Виктор аккуратно поднял меня с кровати и усадил на каталку. Медсестра придала моей больной ноге правильное положение, а затем отошла в сторону, освобождая проход. Я дёрнула рычажок, что находился на правом подлокотнике, но каталка не поддавалась. Тогда я возвела непонимающий взгляд на Виктора, сердито проговорив:

– Она сломана.

Тот усмехнулся, затем, обойдя каталку, взялся за ручки, что отходили от её спинки, и повёз меня к выходу.

– Она не для личного пользования, а для всех пациентов. В целях их же безопасности, она не работает. Мало ли, что у больных на уме – уедут ещё куда-нибудь.

Медсестра открыла перед нами дверь, и Виктор вывез меня в коридор, который последние три дня я видела только из окна своей палаты. В ширину он составлял метра три, но в длину был намного больше и далеко впереди с обеих сторон уходил за угол. По его периметру на одинаковом расстоянии располагались двухместные кушетки, а на противоположной от палатных окон стене висели люминесцентные лампы. Пол словно покрывал белоснежный мрамор, но, скорее всего, это просто блестящая кафель. Хотя кто его знает, как здесь на земле принято.

Виктор повёз меня направо, и через окно в стене я увидела свою собственную палату, только теперь я была не внутри неё, а снаружи. Как же приятно это осознавать. Наконец я выбралась оттуда. Но надолго ли?

– Как твои глаза? – спросил Виктор, медленно провозя меня мимо соседней палаты.

– Хорошо, – ответила я, разглядывая больного, который там лежал.

Это был какой-то мужчина, и, кажется, он спал... Надеюсь. Судя по тому, сколько разных аппаратов было к нему подключено, состояние человека было не в норме. Опечалившись данной картиной, я отвернулась и устала в пол перед собой.

– Видеть лучше стала? – поинтересовался Виктор.

Дело в том, что тот самый седовласый доктор «поколдовал» вчера над моим зрением, и вот неприятное удвоение или даже утроение предметов в глазах исчезло.

– По-моему, я стала видеть даже лучше, чем раньше, – усмехнулась я, с волнением заглядывая в следующее окно.

Там, на больничной койке сидела пожилая женщина, а возле неё крутился врач, проводя обследование.

– Это наши? – спросила я, уводя взгляд от окна.

– Нет, – ответил Виктор. – Данные палаты предназначены для интенсивной терапии и являются платными, – пояснил он.

Я вскинула голову и, посмотрев на своего сопровождающего снизу вверх, спросила:

– Кто платит за моё пребывание в палате?

Виктор с ухмылкой взглянул на меня, а затем опустил мою голову обратно, чтобы я смотрела прямо перед собой.

– Не делай так, голова закружится, – ушёл он от ответа.

Я не стала докучать, ведь всё и так было ясно. И мне почему-то стало приятно. Кто-то заботится обо мне и делает всё ради моего благополучия. А ведь сейчас мне это нужно как

никогда, поэтому я питаю к Виктору огромную благодарность и, кажется, что-то ещё... Может, во мне просто просыпаются мои бывшие чувства, о которых я почему-то забыла?

Мы свернули за угол, и передо мной открылся широченный коридор с многочисленными дверями и проходами в другие отделения больницы. Каждые несколько метров стояли жёлтого цвета диваны, а по центру коридора протянулась длинная белая стойка с сенсорными экранами, чем-то напоминающими пропускные автоматы в Пирамиде. Понятия не имею, что это такое и зачем это нужно, но, признаться, меня удивил не столько данный предмет техники, сколько люди, которые крутились вокруг него. Все были одеты во что попало. От такого многообразия цветов ярко-жёлтые диваны просто потерялись. Здесь тебе и синий, и красный, и фиолетовый, и даже какой-то неизвестный мне донныне цвет. Я настолько привыкла к однообразной форме, что всё это мне казалось нелепым. Сразу становилось ясно, что эти люди не из Пирамиды, причём не только по одежде – у них словно и лица были какими-то другими.

Виктор вёз меня прямо по коридору, никуда не сворачивая. Совсем скоро на горизонте стала различима табличка с надписью: «Выход». Я подтянулась в кресле чуть повыше в предвкушении новых познаний, и тут же Виктор обеспокоенно спросил:

– Тебе неудобно?

Я покачала головой, поспешно ответив:

– Всё хорошо.

Он больше ничего не сказал, но его рука участливо легла мне на плечо. Я просияла, не переставая удивляться его заботливости и желанию во всём мне помогать.

Широкая входная дверь являлась стеклянной, но имела шероховатую поверхность, отчего вид за ней был нечётким. В один момент мне даже показалось, что это лишь переход в другой коридор, но стоило двери отъехать передо мной в сторону, как свежий уличный воздух заполнил лёгкие, а перед глазами возникла зелёная лужайка, на которой беззаботно отдыхали люди в больничных рубашках, тем временем как медицинский персонал ответственно следил за порядком. На улице было пасмурно, но довольно тепло. У меня даже слегка закружилась голова от спокойствия и умиротворения, что витали вокруг. Единственное, чего я не поняла, так это зачем мне нужно было переодеваться, если здесь позволялось гулять в своей больничной одежде. В принципе, я и озвучила свой вопрос, на что Виктор ответил:

– Хотел показать тебе одно место, а оно находится за территорией больницы.

– Не много для первого раза? – улыбнулась я, тихо радуясь в глубине души.

– Наверное, много, но у нас мало времени, чтобы уделять каждому чуду новый день. Скоро ты вылечишься, и нам придётся отсюда уехать, – сказал он, направляя мою каталку в правую сторону от главного входа.

– Куда? – удивилась я, вновь вскидывая голову и глядя на него.

– Просил же так не делать, – упрекнул меня Виктор, опуская мою голову обратно. – Не могу дать тебе точный ответ. Тут всё будет зависеть от тебя. Дело в том, что есть одно место, где меня ждут, но захочешь ли ты поехать со мной?

– Что за место? – тут же спросила я, волнительно теребя рычаг на подлокотнике.

Он немного помолчал, затем ответил:

– Потом скажу.

Меня не устроил этот ответ, но моё внимание очень кстати отвлекло резкое движение в ветвях ближайшего от нас дерева. Я даже чуть перегнулась через подлокотник, чтобы заглянуть под густую зелёную крону. Неожиданно до моего слуха донеслось громкое чириканье, отчего я даже слегка вздрогнула.

– Ты можешь сидеть спокойно? – рассмеялся Виктор, возвращая меня в прежнее положение.

– Это что, птица? – проигнорировала я его вопрос, восхищённо глядя на маленькое пернатое создание серо-голубого цвета, что сидело на одной из нижних ветвей дерева.

– Да, – подтвердил он, затем остановил каталку и пригнулся ко мне, указывая рукой на какую-то дамочку, что сидела на скамейке параллельной дорожки. – Видишь её? – спросил Виктор.

Я утвердительно кивнула, и он проговорил:

– Посмотри, что у неё в руках.

Я чуть опустила глаза, разглядывая обхваченный её пальцами предмет. Нет, подождите, это не предмет. Он, кажется, шевелится.

– Что это такое? – с заинтересованной улыбкой спросила я.

– Это венгерский пуль, собака такая, – ответил Виктор, вновь приводя мою каталку в движение.

– Собака? – изумилась я, внимательнее вглядываясь в забавное существо. – Да она у меня на ладони поместится!

– Хочешь подержать? – неожиданно спросил он.

– Хочу! – тут же воскликнула я, округлив от радости глаза.

Виктор развернул меня на девяносто градусов и покатил к параллельной дорожке прямо через газон.

– Эй, зачем же портить красоту? – усмехнулась я, краснея под прицелом чужих глаз.

– Ничего страшного, все так делают, – успокоил он меня, подвозя к дамочке с пулем. – Здравствуйте, мадам, – без всякого стеснения обратился Виктор к ней. – Я тут заметил у вас в руках это чудо. Знаете, мы с моей женой подумывали купить такого, но сомневаемся, стоит ли. С ним не много хлопот?

Дама была уже в годах, но весь её вид излучал теплоту и доброжелательность. Она ещё издали заметила, что мы направляемся к ней, поэтому встретила нас лучезарной улыбкой. Невольно улыбка засияла и на моём лице. Правда, мои губы слегка дрогнули при словах Виктора: «Мы с моей женой», – но только лишь из-за удивления, а не возмущения.

– Безусловно, стоит, – заверила нас женщина, поднимая выше своего пуля. – Вы один раз его в руки возьмёте, потом не выпустите.

– Можно его погладить? – спросила я, еле сдерживаясь, чтобы не забрать этот пушок из её рук и не потискать.

– Конечно, можно, – разрешила та и сама протянула собачку мне.

Я долго пристраивалась, как бы обхватить её, но мне помог Виктор. Он аккуратно взял пушок из рук женщины и посадил мне на ладонь. Я даже слегка поморщилась от щекотливого ощущения, что создавала его длинная шёрстка, трясь об мою кожу. Он был рыжевато-коричневый, и только остро торчащие ушки умиляли белым цветом.

– Девочка или мальчик? – спросил Виктор у женщины.

– Мальчик, – с улыбкой ответила та, затем добавила: – Корс зовут.

– Корсик, – позвала я, слегка почёсывая его за ушком – кажется, он даже заскулил.

Я преподнесла его к уху, чтобы лучше расслышать, и в самом деле послышался тихий скрипучий скулёж, чем-то напоминающий визг. Мне даже самой захотелось завизжать от восторга. В общем-то, я так и сделала, когда пуль заёрзал на моей ладони, перебирая крохотными лапками.

– Щекотно, – захихикала я, нервно подрагивая здоровой ногой.

– Она очень любит животных, – объяснил Виктор хозяйке собаки.

– А кто ж их не любит? – рассмеялась та.

Как же эта женщина была права, говоря, что выпустить сие чудо невозможно. Я чуть ли не со слезами на глазах возвращала ей Корсика. И кто только придумал такую прелесть? Не знаю, но я уже люблю этого человека.

Распрощавшись с добродушной хозяйкой пуля и самим пулем, мы двинулись дальше по мощёной камнем дорожке, уходя всё больше в сторону от главного входа.

– Понравилось? – спросил Виктор, когда мы отошли.

– Я теперь мечтаю о таком, – восторженно проговорила я. – Жаль, что в Пирамиде таких не было.

– Животным не место в Пирамиде, – серьёзно ответил он. – Представь, он бы потерялся там, и что потом? Блуждал бы себе по Центральному Кольцу, а люди бы наступали на его физиологические отправления, пачкая обувь.

Я притихла, представив данную картину. Признаться, мне было всё равно, на что там наступали бы люди, – я просто окунулась вновь в шумную и суетливую атмосферу на Центральном Кольце. Таковую привычную и родную. Но нет больше ни Центрального Кольца, ни библиотечного блока, ни развлекательного центра, ни даже самих людей. От этой мысли в груди осела нежданная грусть. До последнего момента я не задумывалась о всей глубине и серьёзности произошедшего. Оно стало соизмеримым с катастрофой, что произошла почти век назад на Ирозе. А я выжила в этой катастрофе, и вот три дня спустя я уже беззаботно радуюсь жизни. Как-то бессердечно с моей стороны.

– Викторинан! – громовым ударом разразился в ушах стальной женский оклик.

Моя каталка остановилась, а Виктор вышел чуть вперёд меня, встречая идущую на нас девушку. Её чёрная одежда и чёрные волосы, обрамляющие светлое заострённое лицо, моментально вселили в меня неприязнь.

– Я просил ждать меня на пункте, Морал, – непривычно грубым тоном проговорил Виктор.

Почему она назвала его Викторинаном? И почему её имя мне показалось таким знакомым?

– Ты просил принести тебе новый список, как я закончу его. – На этих словах девушка нервно всучила ему в руки какие-то бумаги, затем, бросив на меня быстрый испепеляющий взгляд своими серыми глазами, спросила у Виктора с язвительной улыбкой на губах: – Развлекаешься?

Тот не обратил внимание на вопрос, разглядывая принесённые ею бумаги.

– Опять себя не внесла? – на выдохе спросил он, складывая листки и убирая их в карман своей куртки.

– Ничего страшного, не помрут без меня, – заявила девушка, затем добавила: – Тем более я собираюсь ехать туда.

К этому времени Виктор вернулся к своему месту за моей каталкой, но я буквально телом почувствовала, как он резко вскинул голову после её слов:

– Как? Ты же со мной собиралась ехать.

– Я смотрю, ты и без меня неплохо справляешься. – На этих словах она окинула меня презренным взглядом, задержавшись при этом на моей одежде.

Только не говорите, что это её.

– Морал, ну что за глупости, конечно же, ты мне нужна, – попытался поубавить её пыл Виктор. – Ты не успеешь вернуться до моего отъезда, так что останься здесь. – На этих словах мы двинулись дальше, постепенно приближаясь к какому-то странному строению на окраине лужайки, напоминающему огромный лифт.

– Если уж так сильно тебе понадобится, пришлешь за мной один из своих АГ-перелётников³...

– Морал, – резко перебил он её. – Посмотри на меня.

Она шла наравне с Виктором, поэтому её лица я не видела, но, думаю, она послушалась.

– Ты же понимаешь, что должна будешь молчать кое о чём? – тихо спросил Виктор.

Признаться, весь их разговор был для меня полнейшим непониманием.

Та ответила не сразу и, только сорвавшись с места и пройдя вперёд нас, грубо бросила:

---

³ АГ-перелётник – антигравитационный перелётник.

– Знаю, – после чего быстрым шагом направилась к тому самому лифту, куда шли и мы. Судя по тому, как Виктор притих, он ничего не собирался мне пояснять, поэтому я начала сама.

– Кто это? – спросила я, недовольно нахмутив брови.

– Знакомая, – безразлично ответил тот. Видимо, его занимали какие-то собственные мысли.

– Что за список? – задала я очередной вопрос.

Он вздохнул, отгоняя в сторону все свои раздумья и ответил:

– Список наших людей, которые находятся здесь.

– М-м, – промычала я, а когда Виктор завёз меня в лифт, спросила: – И много здесь наших?

– По цифре, что Морал обозначила в последнем списке – шестьсот семьдесят пять.

Лифт начал плавно подниматься вверх, но вскоре я почувствовала, как он остановился и поехал куда-то в сторону.

– Ты сказал, что это те, кто находится здесь, а есть ещё кто-то в других местах?

– Да, есть, – ответил Виктор. – В общей сложности чуть больше семнадцати тысяч человек.

Не знаю, радоваться этой цифре или огорчаться. Конечно, из семи миллионов семнадцать тысяч – это почти ничто, однако вполне весомое значение, чтобы в его числе оказались мои родные.

Лифт вновь притормозил и поехал на этот раз вниз. Стены его были стеклянными, но, как и входная дверь больницы, имели шершавую поверхность, поэтому, что происходило за его стёклами, для меня оставалось загадкой.

– И где они находятся, если не в Пирамиде и не здесь? – с интересом спросила я. Признаться, меня больше интересовало, где же находимся мы, но я решила помедлить с этим вопросом.

– В Мексике, – ответил Виктор, вывозя меня из лифта в недлинный, заполненный дневным светом коридор.

– Ого, – не могла не удивиться я. Хотя назови он даже какую-нибудь сухопутную пустыню, я бы всё равно пришла в восторг. Само осознание того, что люди из Пирамиды, стоят на твёрдой земле, уже затуманивает мой разум.

Виктор остановил каталку перед дверью, а сам подошёл к её краю, где на стене висел автомат, и просунул в разъём свою ин-ту. Но, если честно, сомневаюсь, что это была ин-та: думаю, такие имелись только в нашем городе. В общем, как только карточка выехала обратно, дверь передо мной открылась, явив потрясающий вид на прибрежную дорогу. Мощёная все тем же камнем, что и территория больницы, она уходила к морю и где-то вдаль уступала место песчаному покрытию пляжа. Местами виднелись люди, неспешно прогуливающиеся по набережной, а низко над морем летали птицы, подпевая звуку прибрежных волн.

Я сделала глубокий вдох, впитывая в своё сознание солёный запах воды. Но почему-то возникло такое ощущение, что для моего обоняния это не впервой.

Виктор вывез меня наружу и направился по дорожке прямо к морю.

– Где мы? – задала я наконец волнующий меня вопрос.

– Близ города Брисбена, – ответил он, затем поясняюще добавил: – Австралия.

Я прикрыла лицо руками, чувствуя, как всё трепещет внутри меня.

Австралия... Я же сто раз видела её на карте, и мне всегда казалось, будто это иная Вселенная. Космические корабли и то не представлялись мне такими далёкими, как этот оторванный от мира кусочек земли. Райский кусочек, скажу я вам. Так что пришедшая мне в голову мысль, когда я впервые открыла глаза после катастрофы, оказалась относительно верной – я в раю, только в назёмном, а не небесном.

– Как так вышло, что одни здесь, а другие там?

– Вообще мы все должны были оказаться в Мексике, потому что именно там всегда значился конечный пункт в случае эвакуации людей из города. Но большинство тех, кто находится здесь, были вытаснены буквально с того света после падения Пирамиды. Ко времени вашего обнаружения все эвакуационные корабли были уже на полпути в Мексику, поэтому вас подобрали лодки, спущенные на воду заранее и отведённые на безопасное расстояние. А так как лодки были не способны преодолеть такой огромный промежуток от местонахождения Пирамиды до Мексики, нас было решено отправить в ближайший принимающий порт, то есть сюда.

Когда он закончил говорить, колеса моей каталки уже вязли в песке, что сменил каменное покрытие береговой дорожки.

– Не хочу отсюда уезжать, – грустно глядя на горизонт, проговорила я, затем запрокинула голову, чтобы видеть лицо Виктора, и сказала: – Давай останемся?

Он безнадежно покачал головой, проговорив:

– Меня ждёт работа.

– Работа? – удивилась я. – Ты так быстро нашёл себе работу?

– Это старая, – почти не задумываясь, ответил Виктор.

Я недоумённо вскинула бровь, дожидаясь пояснения.

– Ты не помнишь, да... Я работал во внешних связях. Конечно, моя работа немного изменилась в свете последних событий, однако никто не освобождал меня от неё.

Пока он говорил, я опустила голову, разглядывая песок под собственными ногами. Надо же, как много я не помню, как будто полжизни своей забыла.

– Эта девушка говорила об АГ-перелётниках, – вспомнила я, – они ведь летают на космические корабли.

– Да, – подтвердил Виктор, останавливая меня у самого края береговой линии, куда, судя по мокрому песку, иногда доходили волны.

– Туда ты собирался отправиться? – спросила я, опуская здоровую ногу на песок.

– Именно, – сказал Виктор, делая шаг вперёд, и равняясь наконец со мной.

Я возвела глаза к пасмурному небу, и в этот момент мне на щеку упала капелька воды. Сначала я решила, что это брызги от волн, но неожиданно небо ярко сверкнуло под разрядом молнии, а затем послышался раскатистый звук грома, словно пронёсшийся прямо над нашими головами.

– Нужно вернуться, – сказал Виктор, и уже собирался сдвинуться с места, как я его остановила.

– Нет, хочу посмотреть.

В ушах тут же послышался приглушённый и будто шепчущий звук дождя, а кожа ощутила на себе капли, впитывая каждую из них и разнося по телу холодок.

Я вновь устремила глаза вдаль, где взгляд упирался лишь в полоску, отделяющую хмурое небо от синих волн. И я точно знаю, что уже видела эту картину раньше. Я видела океан, и он был точно таким же. Кажется, стоит мне опустить глаза, и я разгляжу далеко внизу волны, бьющиеся о Пирамиду. Откуда я это помню? Откуда я знаю, что там внизу были волны? Это всё лишь картинками вспыхивает в моей памяти, но я не могу собрать их воедино. Однако всегда, непременно во всех этих воспоминаниях я ощущаю, что где-то рядом со мной стоит кто-то ещё, он словно защищает меня.

Я опустила веки и подставила лицо навстречу усиливающемуся дождю, слушая его музыку и впитывая умиротворение вокруг. Неожиданно в моей голове вспыхнули зелёные глаза – яркие, словно изумруды. Их пронзительный взгляд начал согревать меня изнутри, и я затаила дыхание, боясь потерять их в осколках своей памяти.

Глава 6

Очередные новости

– Это был мой первый некурсовой рабочий день, когда я один сел за штурвал управления свимера и вышел в свой водный периметр наблюдения. Со мной в этом периметре было ещё два агента. Всё проходило нормально. Мой свимер стоял на автопилоте, а я переговаривался с одним из своих напарников. Неожиданно связь начала шуметь и прерываться, а я почувствовал, как мою машину сильно качнуло вниз, будто она на несколько секунд потеряла управление. Потом ещё раз. Тогда я быстро переключился с автопилота и повёл свимер сам. Он плохо слушался, но мне удалось его выровнять. Я поспешил вновь связаться с напарником, но соединение не установилось. Через лобовое стекло мне были видны огоньки, что излучали щетки его свимера, но они сильно мерцали и быстро уводились вниз, словно падая. Не успел я предпринять каких-либо мер, как свимер моего напарника врезался в стену города, повредив внешнее стекло. Затем агент безжизненно покотился вниз по наклонённой грани Пирамиды. В этот момент я услышал объявление о том, что всем агентам следует вернуться на базу. – Даррен ненадолго прервался, чтобы сделать глоток горячей воды из бутылки, что я ему принёс, затем продолжил: – Я испугался не на шутку, но постарался не терять самообладания. Возвращаясь на станцию, я связался по диспетчерской системе с контролёром своего периметра, чтобы доложить ему о потере одного агента, но он сказал мне лишь, чтобы я отплыл подальше от стен Пирамиды. Причём говорил он быстро и тихо, почти шептал. Я расслышал что-то об опасности, но так и не смог понять причину её возникновения. Пока я тревожно раздумывал, послушать мне его или же вернуться на базу, мимо меня, прочь от города, пронеслось несколько свимеров. Видимо, и они получили предупреждение. В общем, я решил последовать за ними. Не знал тогда, что это будет надолго, и уж тем более не мог представить, как всё сложится в итоге. Я старался держаться одной глубины и вести свимер по прямой траектории. Спустя полчаса я оказался примерно в ста пятидесяти километрах от города, и тут связь с Пирамидой начала обрываться. Компьютер перестал показывать данные о моём местонахождении и о работе машины в целом. Тогда я решил вернуться... – Он ненадолго замолчал, после чего негромко добавил, глядя в пол перед собой: – Но возвращаться уже было некуда. – Даррен поднял глаза и, сделав неглубокий вдох, продолжил: – Я почувствовал лишь сильный толчок, который заставил меня вылететь из своего кресла. Ударившись о лобовое стекло свимера, я начал терять сознание и вскоре отключился. Совершенно не имею понятия, сколько времени провёл в обмороке, но когда очнулся, мой свимер продолжал плыть в неизвестном направлении. Компьютер не показывал абсолютно никаких данных, и я даже не мог сориентироваться, где нахожусь. – Даррен сделал ещё один тяжёлый глоток и с некоторым страхом в уставших глазах проговорил: – Потом я увидел Пирамиду... Вернее, то, что от неё осталось. Я... я не знал, что делать. Я не понимал, что происходит. Будто всё это был сон. Ужасный сон. – Он прервал свой рассказ, прикрыв мокрое лицо руками.

Я сидел напротив Даррена в помещении, где держали найденных пилотников, и слушал историю падения города, увиденную его глазами. Не знаю, кому труднее всего далось спасение собственной жизни в этой катастрофе, но его рассказ определённо заслуживал одно из первых мест, ведь всё, о чём он сказал, было только началом его голодных скитаний по водам океана. Да и увиденный своими глазами разрушенный город, который совсем недавно стоял перед тобой во всей своей красе, излучая жизненный свет, заставит содрогнуться даже самое бездушное сердце. Для большинства людей всё случилось не более, чем за один час, а для Даррена это продолжалось ещё три дня. Да и до сих пор продолжается, ведь неизвестно, какое наказание

преподнесёт наша «верхушка» всем ослушавшимся пилотникам. На благоразумие моей матери я не надеюсь, но непременно рассчитываю на здравомыслие отца и его коллег.

– Я попробую поговорить с ними, может, они захотят выслушать тебя и других ребят, – сказал я, указывая на остальных пилотников.

– Пусть делают, что хотят, – выдавил из себя Даррен. – Мне всё равно...

– Что значит «всё равно»? – подал хриплый голос Аллен, сидевший всё это время рядом со мной.

– А какой смысл? – устало вздохнул тот. – У меня никого не осталось.

– Мы все кого-то потеряли, – грустно проговорил Аллен, кидая быстрый взгляд на меня, – однако мы не ставим крест на своей жизни.

Даррен только покачал золотистой головой.

Да, мы все кого-то потеряли. Кто-то больше, кто-то меньше. Кто-то родных, кто-то друзей. Кто-то родителей, а кто-то детей. Кто-то же потерял свою любовь – свою вторую половинку, без которой он не представляет жизни. Но каждый из нас продолжает шагать в будущее несмотря ни на что. Хотя будь я на месте Даррена, наверное, и мне было бы всё равно, что со мной сделают и куда отправят, ведь пережитое так или иначе всегда будет преследовать, и от этого никуда не деться.

– Хватит с вас разговорчиков, – проговорил темнокожий караульщик, приоткрывая дверь душного помещения.

– Вы идите, ребят, – сказал Даррен. – Мне бы отдохнуть.

Я кивнул, затем проговорил:

– Отдыхай, тебе нужно набираться сил, – а после того, как мы с Алленом поднялись с пола, добавил: – Если что-то понадобится, обращайся.

– Хорошо, – проговорил Даррен, отставляя в сторону пустую бутылку и укладываясь прямо на голую землю.

Он опустил руку на лоб, прикрываясь от солнца, что светило через окно, и утомлённо зажмурил глаза. Мы же с Алленом пошли к выходу из помещения. Караульщик проводил нас недовольным взглядом, когда мы прошествовали мимо него, но ничего больше не сказал.

– Не могу на него смотреть, – покачал головой Аллен, когда мы шли по коридору к амбару. – Он так изменился.

– Я плохо его знал, но и сам это вижу. Видимо, три дня заключения сильно повлияли на его психику, – сказал я, стукнув пальцами по виску.

Мы вошли в главное помещение лагеря, которое успело немного опустеть в сравнении с первым днём нашего пребывания здесь. Людей уже начали распределять на новые места, рассредоточивая скученность в лагерях. Не знаю точно, куда их отправляли, но слышал от матери что-то по поводу ближайших городов. Признаться, и мне бы хотелось поскорее выбраться отсюда, но пока работа родителей здесь не закончится, далеко я уйти не смогу. Они предлагали заняться мне какими-то мелкими делами в пределах лагеря, чтобы мне было не так скучно, но я от всего отказался. Мне ничего не хотелось делать, словно руки опустились, и это было так на меня непохоже. Видимо, и моя психика слегка пострадала.

Аллен подошёл к своим родителям, а я отстал от него ещё где-то на полпути. Пусть с братом Арианы я и поладил, но сталкиваться с её матерью и отцом по-прежнему не хотелось. Не знаю, в обиде они на меня или нет, но перебороть собственный стыд мне было тяжело.

Недолго думая, я как всегда отправился на выход из амбара, где под палящим солнцем нагрелся песок и плескались волны. Когда я вышел, мне в глаза сразу бросилась собственная мать, которая стояла в компании некоторых своих подчинённых и людей в синей униформе под предводительством Варгаса. Они явно кого-то ждали около главного заезда на территорию нашего лагеря.

Мать увидела меня и, что-то сказав своим подопечным, направилась в мою сторону. Среди её людей я разглядел отца Мэрэдит, который до этого момента всё время находился во втором лагере вместе со своей семьёй.

– Что там у вас? – глядя в сторону ворот, спросил я, когда мать подошла ко мне.

– Небольшое пополнение, – проговорила она, оглядываясь назад.

Я уставился на неё непонимающим взглядом, нахмутив брови.

– Несколько наших людей из Австралии, – пояснила она.

– Викториаан? – почему-то сразу решил я.

– Мне бы очень хотелось, чтобы это был он, но нет, – с грустью проговорила мама. – Боюсь, что мы не скоро сможем его увидеть.

– Почему? – тут же спросил я. Не то чтобы меня это сильно волновало, просто стало интересно.

– Совсем скоро он улетит на один из космических кораблей. Ему ещё месяц назад предложили там работу. Конечно, он получил недолгую отсрочку в связи с сложившейся ситуацией, но его уже ждут обратно.

– Так значит, он теперь обустроится там?

Мама слегка улыбнулась, а затем проговорила:

– Не только он, Лео. – После этих слов, она вновь взглянула назад, чтобы разведать обстановку у въездных ворот, затем повернулась обратно ко мне всё с той же улыбкой на лице и спросила: – Ты же хочешь поехать?

Я вперил в неё изумлённый взгляд.

– Ты серьёзно? – уточнил я, пытаясь определиться с собственными желаниями по заявленному мне предложению.

– Серьёзней и быть не может, – ответила мама, с уверенностью глядя на меня. – Там давно уготовлено для нас местечко.

Меня насторожило слово «давно», но я решил не вдаваться в подробности, дабы во мне вновь не проснулись горькие мысли, ведь я только-только начал смиряться со всем произошедшим. Не забывать, нет, просто смиряться...

– Ты рад? – с некоторой надеждой спросила мама.

Думаю, ей тоже было горько видеть моё состояние. Что бы эта женщина ни сделала, она всё равно остаётся моей матерью и, бесспорно, всегда будет за меня тревожиться.

– После того, что случилось, – негромко проговорил я, – мне будет спокойно только на твёрдой земле.

– Да брось, Лео, – усмехнулась она. – Космические корабли надёжней, чем вся эта планета.

Я обречённо покачал головой, после чего спросил:

– Ты серьёзно думаешь, что я не знаю об Ирозе?

– В том-то и дело, что ты ничего не знаешь, – многозначительно проговорила она, поворачиваясь ко мне спиной и ступая к воротам. – Идём со мной. Думаю, ты рад будешь кое-кого увидеть.

– Кого? – недоверчиво спросил я, оставаясь на месте.

Она не ответила, лишь обернувшись, сказала:

– Идёшь?

Признаться, вся эта скрытность начала меня раздражать, однако любопытство взяло верх, и я пошёл следом.

– Он тут зачем? – грубо спросил Варгас, указывая на меня, когда мы с матерью подошли к строю людей в тёмно-синей униформе.

– Я так хочу, – вставая во главе своих людей, ответила мама, даже не взглянув на изуродованное лицо главнокомандующего.

Тот больше ничего не сказал, только раздражённо плюнул в горячий песок. Почему-то в этот момент мне очень захотелось плюнуть ему в лицо. Я представил себе эту картину, отчего у меня невольно вырвался смешок. Однако потом я мысленно представил собственное тело, закопанное в песке, и довольная ухмылка тут же слетела с моего лица.

Как раз в тот момент, когда я совладал со своим опрометчивым желанием, огромные железные ворота с режущим скрипом и протяжным гулом поехали в сторону. Все встрепенились, и я невольно сделал то же самое. Признаться, совершенно не представлял, кого мама имела в виду, говоря, что я буду рад его увидеть. В Австралийском списке из известных мне людей я увидел только Викториа и ещё нескольких человек, с которыми я был знаком лишь косвенно, поэтому я не возлагал больших надежд на эту встречу. Одно радовало – это не мой братец – его довольной ухмылки я бы здесь точно не перенёс.

Ворота остановились где-то на полпути, явив проезд метров в пять. Как только они замерли, на территорию нашего лагеря по очереди въехали три... механизма. Другого названия этим устаревшим штуковинам я дать не смог. Они не парили привычно в воздухе, а ехали прямо по земле за счёт кручения колёс. Не думал, что такую технику ещё используют, но отчасти могу понять почему. Не везде есть магнитные дороги, а это своего рода бездорожники, способные ехать и по песку, и по скалам, и, кажется, даже по воде, только где неглубоко.

Как только эти три чудные машины остановились, ворота поехали обратно, медленно скрывая от меня внелагерную территорию, которая очень походила на пустыню. Моя мать вышла чуть вперёд, встречая выходящих из первой машины людей. Я стал вглядываться в их лица, но никого не узнавал. Одеты они были совершенно по-разному (никакого чёрного, белого и серого), да и в целом выглядели куда лучше, чем люди из нашего лагеря. Мне даже стало интересно, что происходит у них там в Австралии, где они обосновались и как живут.

– Здравствуйте, миссис Берг, – обратился к моей матери один из вышедших.

Она приветственно кивнула, затем спросила:

– Надеюсь, добрались без затруднений?

– Безусловно, – проговорил мужчина. – Это порадовало в столь утомительной дороге.

– Как обстановка в Австралии, мистер Киршнер? – спросил отец Мэрэдит, подходя к ним и обмениваясь с приезжими приветственными рукопожатиями.

Я по-прежнему не увидел никого из знакомых, но, кажется, ещё не все вышли из третьей машины. Я перевёл взгляд туда, пытаюсь разглядеть хоть кого-нибудь за тонированным стеклом задней дверцы. Тут же эта дверь открылась, и из неё вышел какой-то парень с рыжеватыми волосами и большим количеством веснушек на лице. На вид был моим ровесником, но прежде я его никогда не видел. Парень не пошёл за всеми, а развернулся к машине и подал кому-то руку. Я разглядел тонкие женские пальцы, что влетели в его ладонь, а затем из темноты салона машины прямо под палящее солнце вышла девушка с черными волосами и белой, как мел, кожей.

Моё тело так и застыло на месте, а сердце радостно застучало, узнав в ней близкого человека. С души словно свалился камень, отчего я сделал хриплый выдох.

Выйдя из машины, девушка остановилась и прикрылась рукой от солнца, сильно сощурилась глазами. Она медленно оглядела стоявших в ряд людей Варгаса, затем перевела взгляд на компанию моей матери и уже хотела сделать шаг вперёд, как её глаза наткнулись на меня.

На её бледных губах сверкнула улыбка, как всегда немного высокомерная, но в то же время искренняя с вечной грустью у самых уголков губ. Она не кивнула мне и не махнула рукой, а просто ждала, пока я сделаю это первым. Но мне было слишком мало одного кивка или приветственного маха, поэтому я резким и быстрым шагом направился к ней, промчавшись мимо остальных прибывших и вообще всех людей, что находились здесь.

Я остановился, только когда она оказалась в моих крепких объятиях.

– Мо, – вырвалось из моих онемевших уст.

Я сжал её ещё сильнее, не веря собственным тактильным ощущениям. Мне казалось, она вот-вот исчезнет из моих рук, оставшись на них всего лишь пылью.

– Господи, Мо, как я рад тебя видеть...

Как же так вышло? Почему я не увидел её в списке? Пусть я и мало верил в то, что просто пропустил её имя, но всё же я оказался прав. А может, не её одну пропустили мои глаза?

– Леон, – негромко проговорила она, пытаясь отстраниться. – Эй, всё нормально.

Я помотал головой, всеми силами стараясь сдержать слёзы, что немужественно подступили к моим глазам.

– Нет, Мо, – проговорил я, не желая её выпускать. – Я думал... Думал, не увижу тебя.

– Почему? – усмехнулась она. – Я же в порядке.

– Я не знал, – на этих словах я наконец выпустил её.

– Наверное, это моя вина, что ты не знал, – сказала она, виновато глядя на меня. – Не хотелось вносить своё имя в список.

– Ты с ума сошла, – улыбнулся я, проводя рукой по лицу близкой подруги, словно всё ещё не веря в реальность её нахождения рядом со мной. – Мне и без тебя потерь хватило, – грустно добавил я.

В этот момент с её губ быстро слетала улыбка, а взгляд серых глаз резко посерьёзnel.

– Что? – спросил я, не понимая причину такой реакции на мои слова.

– Ничего, – проговорила она, скрытно опуская глаза.

– Мо, – одёрнул я её за плечи, – в чём дело?

Она подняла взгляд обратно на меня и, слегка вздохнув, спокойно проговорила:

– Ни в чём... Просто не думала, что ты будешь так переживать.

– Сумасшедшая, – с нотками доброты сказал я, вновь прижимая её к себе.

Глава 7

Разгадка сновидения

Я помню лицо отца на экране своего сота. Его, кажется, что-то тревожит, но он улыбается мне. Я прошу поцеловать от меня маму и обнять Аллена. Почему-то чувствую, что они в безопасности. Наверное, именно это воспоминание заставило меня думать, что они живы, и с ними всё в порядке.

– Их здесь нет, – негромко проговорила я, опуская жёлтый помятый листок себе на колени.

– Я предупреждал, – сказал Виктор, забирая из моих рук список.

– Ты не понимаешь, – мой голос почти сорвался на хрип. – Я видела их, и с ними всё было в порядке.

– Тебе только так кажется, – покачал он головой.

Не может мне так казаться. Пусть мои воспоминания и пострадали, но есть вещи, которые я помню отчётливо. И это не было, как во сне. Это было явью. Могу найти лишь единственное объяснение – запомненный мною момент случился ещё до той страшной ночи, но моя память решила привязать его к реальности так, как захотел того разум. Поэтому сейчас разум не хочет или даже не может воспринять иную информацию.

– Я знаю, что тебе трудно это понять и тем более принять, – проговорил Виктор, беря меня за руку. – Но ты должна осознать, что это уже случилось и не в твоих силах что-либо изменить.

Я вытщила свою ладонь и опустила взгляд вниз. Мне казалось, что из глаз вот-вот потекут слёзы, но они куда-то пропали. Да и не только они... Исчезли все мои чувства, словно внутри осталась пустота.

И какой смысл тогда в дожде, птицах, море и солнце, если показать это некому, если разделить не с кем? Какой смысл радоваться, грустить, если близких нет рядом? Всё теряет смысл, оттого и пустота внутри, и даже слёзы не способны её заполнить.

Я опустила голову на подушку и прикрыла глаза.

«Обещаю, что буду уделять тебе больше времени в этом году», – услышала я ласковый и уже слегка хриплый голосок брата. Ох, Аллен, разве могли мы тогда подумать, что нет у нас в запасе даже месяца? А кажется, стоит протянуть руку, и я коснусь твоей пушистой копны каштановых волос на голове. Кажется, открою глаза, и два сине-голубых омута развеют страшную правду, что рухнула на меня после трёх недель небывалого спокойствия.

«Все в порядке, ты уже не маленькая», – тихо проговорил отец. Нет, я ещё слишком мала, чтобы вас потерять. Я готова всегда оставаться маленькой девочкой... вашей маленькой девочкой, лишь бы только вы были рядом со мной.

«Идите, – взволнованно сказала мама. – Удачи вам». Не помню когда и при каких обстоятельствах она мне это сказала, но сейчас данные слова звучат как напутствие в мою долгую и, судя по всему, одинокую дорогу. Да, удача определённо была на моей стороне, но самым дорогим мне людям она помочь не смогла.

Но подождите, почему «вам»? Кто ещё был со мной в тот момент, когда она это говорила?

«Ты замечательно выглядишь», – пронеслись в голове ещё чьи-то слова, и тут же в темноте моего сознания вновь вспыхнули зелёные глаза. С того момента, как они привиделись мне в первый раз, я не перестаю думать о том, кому они могут принадлежать, но память упорно не хочет раскрывать мне этого секрета. Может, просто не стоит уходить далеко в дебри своего разума, а поискать разъяснение на поверхности? Мне иногда кажется, что ответ слишком прост, и эта простота, наверное, и сбивает меня. Может, всё-таки это Виктор? Почему соб-

ственно я усомнилась в нём? Неужели из-за цвета глаз? Здесь можно сослаться на игру света, так что это не причина.

Не знаю, слишком мало воспоминаний и слишком много догадок. Остаётся надеяться, что время расставит всё на свои места и приведёт мои мысли с чувствами в порядок. А пока... пока буду держаться Виктора – единственного близкого мне человека.

– Ариана, – негромко позвал он меня, – ты в порядке?

– В порядке, – проговорила я, утирая сонные глаза. Все эти мысли меня очень утомили.

– Ты подумаешь над моим предложением? – Виктор взглянул на меня с надеждой и некоторой тревогой в мутно-зелёных глазах.

Изначально он пришёл в мою палату, чтобы поговорить по поводу своего отлёта на космический корабль, и, конечно же, Виктор предложил полететь с ним. Я отказалась, сославшись на то, что мне нужно повидать родителей. Сейчас эта причина устранилась горькой правдой, но она не была для меня единственной. Я наконец стою на твёрдой земле (не под вод водой, не над водой, а на земле), и от этого чувствую спокойствие, которого мне всегда очень не хватало и с которым теперь безумно не хочется расставаться.

Но, с другой стороны, что мне делать здесь одной? Виктор уедет и всё – моя жизнь, считай, начнётся сначала, словно у меня и не было никакого прошлого. Готова ли я расстаться со всем тем, что присутствовало в моей жизни раньше? Наверное, да, так будет даже легче. Но готова ли я расстаться с Виктором? Это уже другой вопрос, который своим отрицательным ответом перевешивает первое утверждение.

– Уже подумала, – проговорила я, вскинув голову.

Виктор почему-то улыбнулся. Неужели он был так уверен в положительном ответе?

– Я еду с тобой, – подтвердила я его догадку.

Он вновь обхватил мои руки своими и с улыбкой проговорил:

– Это правильное решение. Мы здесь чужие.

– И там мы будем чужими... – начала я, но он поспешно меня перебил.

– Нет. Между нами и теми людьми, что живут на кораблях, есть одно сходство, и оно непременно объединяет нас. Они тоже выросли в искусственно созданных условиях и никогда не видели жизни за пределами своего города.

Как бы горько это ни звучало, он прав. Пусть мы и похожи внешне на тех, чьим домом является Земля, мы всё равно другие, словно иная раса. И несмотря на то, что Стеклянный город находился на Земле, он всегда держался особняком, как и космические корабли.

– Так когда ты летишь? – спросила я и почти сразу исправилась: – «Мы» летим.

– А когда ты будешь готова?

– Я готова, – не раздумывая ответила я.

– Хорошо, – негромко проговорил Виктор, выпуская мою руку и опираясь локтями о колени. Он опустил взгляд вниз и, кажется, о чём-то задумался.

И вдруг новая вспышка воспоминания всплыла в моей памяти. Я знаю эту позу, знаю этот профиль и задумчивый взгляд. Только вокруг другая обстановка. В помещении, где он находится, темно, и только хаотичное разноцветное свечение то зажигается, то затухает, мигая в моих глазах. В ушах глухо играет музыка, мы будто в каком-то клубе. Виктор сидит на диване, который красной подсветкой бросает на его лицо неясные тени. Этот момент длится буквально несколько секунд, а потом обрывается, поэтому, что было до него и после, я не знаю.

Закончив свои раздумья, Виктор прищёлкнул пальцами и потянулся к гаджету на своём правом запястье, набирая чей-то номер. Почему-то впервые за всё время я обратила внимание, на какой руке он носит сот. Я всегда надевала его на левую руку, ведь мне, как правше, было удобнее щёлкать по нему правой рукой, которая оставалась свободной. Так же делали и все мои ближайшие знакомые за исключением брата. Аллен всегда одевал сот на правую руку, а левой щёлкал по экрану, так как он был левшой. Вот и Виктор так же. Получается, он тоже левша.

- Да, сэр, – ответил кто-то с экрана его сота.
- Готовьте один перелётник, – отдал приказание Виктор.
- Хорошо, мистер Фрайс, – сказал тот.
- Вылетаем сегодня вечером.
- Всё будет готово, сэр.
- Виктор кивнул и, опустив руку с сотом, посмотрел на меня.
- Так скоро? – удивилась я.
- А чего ждать? – развёл он руками.
- Я думала, мне потребуется время на восстановление. – Я взглядом указала на перетяжку, что до сих пор красовалась на моей левой голени.
- Восстановиться ты можешь и на корабле. Там медицина даже лучше, чем здесь, – успокоил меня Виктор.
- А перелёт? – спросила я.
- Эти космические перелёты всё равно, что на бойле ездить, – усмехнулся он, потом хотел ещё что-то добавить, но я его перебила.
- Не ездила на бойле, так что от данного сравнения мне не легче.
- Виктор почему-то улыбнулся и перевёл взгляд вниз перед собой.
- Что? – Я недоумённо вскинула бровь и шевельнула здоровой ногой.
- Вообще-то ты каталась на бойле, – заявил Виктор, вновь поднимая взгляд на меня.
- Я запрокинула голову, возмущённо вздохнув.
- Мозг, ну что же ты делаешь? – спросила я, потирая собственный лоб. – Как я могла такое забыть? Покататься на бойле – это же мечта любого грэйера.
- Это была не единственная твоя мечта, – с грустной улыбкой проговорил Виктор.
- Да, я хотела выбраться из Пирамиды, вот и получила, – со злостью на саму себя сказала я.
- Твои мысли имеют очень большую силу, так что будь с ними поаккуратнее, – усмехнулся он.
- Да, наверное, стоит немного думать, прежде чем чего-то желать.
- После этих слов палата на некоторое время погрузилась в молчание, и только Виктор периодически постукивал по полу подошвой своих лакротных туфель.
- И на какой из городов мы полетим? – нарушила я первая тишину.
- Собеседник ответил не сразу, потомив прежде моё любопытство.
- Тебе понравится, – лишь спустя некоторое время сказал Виктор.
- Почему-то на ум сразу пришёл Титан. Одно только его название заставляет мои волосы на голове вздыматься. Хотя все корабли, на мой взгляд, имеют очень звучные имена и каждое из них характеризует именно тот корабль, которому принадлежит. Титан – самый большой из кораблей, как известно, получил название в честь крупнейшего спутника в нашей солнечной системе, чья вечная круговая траектория описывается вокруг Сатурна. Оазис – второй корабль, так и напоминает по своему названию застывшую глыбу льда, что, в некотором смысле, символично с его холодным робототехническим оснащением. Глорес – самый близкий и привычный мне по названию, так и навеивает уют родного дома. Мирон – четвёртый по размеру космический город, имеет тоже довольно звучное название, но оно, к сожалению, ни с чем у меня не ассоциируется, потому что о данном корабле я ничего не знаю. И, конечно же, как только я слышу упоминания об Ирозе, в голове словно что-то вспыхивает и появляются искры. Но его сразу же можно исключить из пункта моего дальнейшего проживания, ведь никто и никогда уже не сможет посетить этот корабль.
- А что скажет врач? – спросила я, слегка приподнимаясь на локтях.
- С ним я договорился, – спокойно ответил Виктор, будто зная, что я задам этот вопрос.

– Договорился? Уже? – удивилась я. – Неужели у тебя совсем не было мыслей о том, что я могу отказаться? – Его уверенность меня немного насторожила.

– Были, конечно, – все тем же спокойным тоном проговорил он. – Но прежде, чем что-то тебе предлагать, мне же нужно было удостовериться, что врач это позволит.

– М-м, – только и промычала я. Мне почему-то совсем не пришло в голову данное объяснение.

– Ладно, – неожиданно бодро сказал Виктор, поднимаясь с подножия моей кровати. – До вечера ещё есть время, так что отдохни, поспи, а я приду за тобой, как только всё будет готово.

Я неохотно кивнула – перспектива провести ещё несколько часов наедине с собственными мыслями меня не радовала. На то, что мне удастся поспать, я даже не надеялась.

Доброжелательно подмигнув мне, Виктор покинул палату, а я сразу же обратила взор за окно, мимо которого он должен был пройти с наружной стороны. Как я и ожидала, спустя всего несколько секунд, за стеклом появился мужчина в чёрном костюме и, сделав три больших и торопливых шага, вновь пропал.

Опустившись на подушку, я повернулась на бок к противоположной от окна стене. Сна не было ни в одном глазу, зато мыслей в голове – целый рой.

Мне и в самом деле есть над чем подумать, но так не хочется вновь погружаться во весь тот хаос, что принесла с собой гибель Пирамиды. Да и какой смысл? Как верно сказал Виктор, всё уже случилось, и сколько бы я ни думала, сколько бы ни жалела и ни плакала – ничего не изменится. Нужно только смириться, а для этого лучше не стоит окунаться во всю меру трагедии произошедшей катастрофы. Раз я не могу принять мысль о том, что моих родителей и брата больше нет, значит, я не буду заставлять себя так думать. Просто представлю, что они есть, пусть не рядом со мной, пусть на другом конце Земли, но они есть. Я никогда их больше не увижу лишь потому, что улечу с Виктором на космический корабль в другую галактику и нас разделят миллионы километров. Неважно, что всё это самообман, ведь, по сути, сила Звёзд, на которую я всегда так рассчитываю, тоже является самообманом, но от этого я не перестаю надеяться на неё. Главное, всегда верить во что-то, ведь так определённо легче жить.

С подобными мыслями и с постепенным душевным успокоением меня начало уносить в сон. Отяжелевшие веки уже давно скрыли от глаз предметы, что входили в моё поле зрения, а мерное дыхание слегка уредилось, отчего стягивание тугого корсета на груди почти перестало ощущаться.

Вдали вспыхнул острый огонёк. Затем ещё один. Вскоре миллионы таких же огней усыпали тусклым светом пустое пространство. Я протянула руку к ним, но ладонь упёрлась в стекло. Я слегка ударила по нему, отчего послышался приглушённый стук. Рука соскользнула вниз по холодному стеклу, ударившись о что-то твёрдое. Я опустила взгляд – металлическая рама отделяла круглое окно от серой поблёскивающей стены. Я сделала шаг назад и обернулась. Глаза уловили стальную надпись, выгравированную на противоположной стене. Подойдя ближе, я различила буквы, которые складывались в слово: «Глорес».

– Глорен, – позвала я.

– Да, мисс Делор, – отозвался холодный компьютерный голос.

Недолго думая, я тихо спросила:

– Где я?

Послышалось эхо стального женского смеха, но постепенно эхо пропало, сделав смех более приземлённым. Из женского он превратился в мужской, и стал доноситься не из стен, а откуда-то позади меня.

– Ты дома, – проговорил знакомый голос, но от него исходил холод, как и от стальных стен, что окружали меня.

Я знала, что если обернусь, то непременно встречу взгляд зелёных глаз.

– Это не мой дом, – уверенным голосом проговорила я, разворачиваясь к своему гостю или же, наоборот, к хозяину этого места.

– Теперь твой, – сделав шаг ближе, озвучил он слова, которые я почему-то ожидала услышать.

От жёсткости его голоса, моя уверенность пропала.

– Виктор, – тихо позвала я, тоже делая шаг навстречу ему.

– Да, – сказал он, сверкнув мутно-зелёными глазами.

Картинка начала расплываться, и Виктор пропал вместе со странным местом, что окружало меня во сне. Прежде чем открыть глаза, я шевельнула рукой, нащупывая гладкую простыню. Мне казалось, что вот-вот я должна услышать чьи-то отдалённые шаги, но в палате царил полная тишина, нарушаемая лишь моим сбивчивым поверхностным дыханием.

Помню этот сон, я уже видела его раньше. Пусть он и казался мне бессмысленным, но я почему-то долго не могла выкинуть его из своей головы. И вот он привиделся мне вновь, только в данном сне что-то изменилось, и эта перемена дала мне возможность разгадать его значение.

Наверное, стоит проанализировать его с самого начала, тогда, может, я вспомню что же всё-таки поменялось.

Я вижу Звёзды и протягиваю к ним руку, словно пытаюсь достать до этих крохотных огоньков. Но ладонь упирается в стекло, как и всегда, но только это не стена Пирамиды, а лишь окно, что открывает малообзорный вид на космическое пространство из сплошного стального помещения. Отсюда делаю вывод, что я не в Стеклянном городе, ведь там не было таких комнат, вот только надпись на противоположной стене говорит об обратном. На металлической поверхности выгравировано слово «Глорес», что ассоциируется у меня ни с чем иным, как с собственным домом. Но на ум почти сразу приходит и другая мысль: Глорес – это, в первую очередь, название одного из кораблей. Тогда всё сходится: и металлические стены, и космическое пространство за окном, и сама надпись. Однако, чтобы убедиться в своей правоте, я спрашиваю у Глорен, где нахожусь. Она почему-то смеётся, и её реакция сильно меня настораживает, ведь она не похожа на привычное компьютерное безразличие. Словно по моим мыслям смех постепенно начинает обретать приземлённость. Теперь я отчётливо слышу его позади себя, и принадлежит он мужчине. Я оборачиваюсь, и здесь мои ощущения раздваиваются. В первый раз я не видела отчётливо лицо этого человека, но по телосложению, цвету волос и отчасти цвету глаз, я узнаю в нём кого-то. Зову по имени, которое, как мне кажется, принадлежит ему, но я ошибаюсь, ведь мужчина качает головой, отрицая моё предположение. Сейчас же черты его лица были отчётливыми, и я сразу же узнала в нём Виктора, что и сам он в последствии подтвердил. Но почему я не узнала его в первый раз, и каким именем позвала тогда? Мне кажется, что это очень значительный момент, но как всегда самый важный факт я вспомнить не в силах.

Также я задаюсь ещё одним вопросом – почему мне приснился именно Глорес? Неужели я увидела своё будущее? Во сне Виктор говорит, что это теперь мой дом, а ведь и в самом деле скоро один из кораблей станет моим новым пристанищем. Так значит, это будет Глорес, и поэтому, когда я спросила у Виктора, на какой корабль мы полетим, он ответил: «Тебе понравится». Насколько мне известно, устройство этого космического корабля очень схоже с Пирамидой, а значит, мне будет легче там освоиться.

Надо же, а мне этот сон казался глупым и бессмысленным. Оказывается, каждое действие, что происходит в нём, имеет далеко не малое значение.

Глава 8

Прощание с прошлым

Пожалуй, впервые за всё это недолгое, но мучительное пребывание в прибрежном лагере, я ощущал лёгкую прохладу в воздухе, которую навеивал северный ветер. Вот только мне не придётся наслаждаться им долго, ведь с минуты на минуту я должен буду покинуть территорию лагеря и отправиться к АГ-перелётникам, что за самый минимальный срок доставят меня и ещё некоторых людей на космический корабль. С одной стороны, мне не терпится распрощаться с этим ужасным местом, но с другой – такая перемена навсегда разделит моё прошлое, с уходом которого я не готов смириться, и будущее, наступление которого меня ещё больше пугает из-за скоротечности времени. Что ждёт меня впереди? Как теперь сложится моя жизнь? Если раньше я мог себе представить своё будущее, то теперь оно кажется мне сплошной серой полосой. Может, у меня вовсе и нет никакого будущего... Не знаю почему, но эта мысль уже не пугает.

– Леон! – услышал я оклик Аллена со стороны амбара.

Он, махая рукой, бежал ко мне.

– Можешь не спешить, – с усмешкой крикнул я. – Ты никуда не летишь.

– Надеялся, что ты всё же передумаешь, – запыхавшимся голосом проговорил он, переходя на шаг.

– Не передумаю, – уверенно сказал я.

– Ну почему, Леон?! Я буду делать всё, что ты скажешь, – волнительно заторопился парень. – Я хорошо разбираюсь в технике, поэтому могу быть полезным. Я не буду доставать тебя своими разговорами, честное слово. Если скажешь, вообще не буду появляться у тебя на глазах...

– Аллен, подожди, успокойся, – перебил я его. – Дело совершенно не в том, как ты будешь себя вести и окажешься ли полезным.

– А в чём тогда? – не терпелось услышать ему.

– Ну, есть как минимум две причины, – начал я разъяснение. – Во-первых, подумай о родителях. Нельзя тебе их оставлять здесь одних. Они уже потеряли дочь, поэтому сейчас им как никогда нужна поддержка единственного сына. На тебе лежит больше ответственности, чем ты думаешь. – Аллен хотел что-то вставить в этот момент, но я не дал ему, продолжив говорить: – Во-вторых, не мне выбирать, кого брать с собой, а кого нет. Мне даже не позволили принять решение за самого себя. Просто предупредили, что я еду, и всё. Никого моё мнение и желание не волнует.

На это Аллену не нашлось, что ответить, и он только грустно кивнул, понурился головой.

– Поверь, мне бы очень хотелось взять тебя с собой, – проговорил я, дружески опуская руку на его плечо. – Не знаю, как бы я пережил последние три недели, не будь здесь тебя. Ты хороший парень, и мне самому жаль расставаться с тобой, но иначе нельзя, пойми.

– Я понимаю. – Он вскинул голову и попытался улыбнуться. – Наверное, уже слишком поздно об этом говорить, но я рад, что Ариана выбрала именно тебя.

– Лучше поздно, чем никогда, – похлопал я его по плечу, затем добавил: – Мне важно было это услышать.

Теперь уже его улыбка не была натянутой. Он сделал шаг назад и протянул мне руку для прощального рукопожатия.

– Это не последняя наша встреча, Леон Фрайс, – важным тоном проговорил парень.

– Разумеется, нет, – сказал я, протягивая свою руку в ответ. – Уверен, что ещё не раз мы пожмём друг другу руки, Аллен Делор.

Он твёрдо кивнул и, выпустив мою ладонь, неспешным шагом направился обратно к амбару.

Я не обманул его, сказав, что мне было приятно его общество, даже наоборот, я не договорил о своём тёплом отношении к нему. Несмотря на всё, что случилось, он не растерял своего оптимизма, своих лучиков, что заряжают всех вокруг. Конечно, и ему тяжело далась потеря любимой сестры, но он оказался сильнее меня и своих родителей вместе взятых и запер своё горе глубоко в душе. Я понимаю, почему Ариана его так любила – нельзя не любить такого светлого и доброго человека. И дело не в том, что Аллен ещё ребёнок. Он всегда будет таким, потому что душа человека не меняется, и никакие события не способны её очернить. Также, находясь рядом с ним всё это время, я словно ощущал близость самой Арианы от их невероятного сходства. Манера смеха, некоторые жесты и привычки, даже сам характер – всё это в его лице напоминало мне мою любимую. А эти небесного цвета глаза, в глубине которых отражаются их собственные души, так и окунают в свою искренность и доброту, заставляя льдинки в сердце таять. Аллен даже представить себе не мог, насколько я к нему привязался и как мне будет его не хватать.

– Со всеми распрощался? – услышал я позади себя голос отца.

Я развернулся к нему и, шурясь от ударивших в глаза лучей солнца, покачал головой из стороны в сторону.

– Остался ты, – проговорил я, подходя чуть ближе к отцу.

– Так давай скорее, а то машины вот-вот уедут, – сказал он, кивая в сторону внедорожников, что ожидали у ворот отъезжающую группу людей.

Я машинально направил взгляд на то место, куда он указал, и сразу в глаза бросилась огненно-рыжая шевелюра матери. Она отдала какое-то указание людям в синей униформе и несколько из них направились ко входу в помещение лагеря.

– Леон, – тихо позвал меня отец.

Я перевёл на него свои потухшие глаза и почему-то сразу догадался о том, что он хочет мне сказать, поэтому поспешил остановить его:

– Ничего не говори, – покачал я головой. – Я достаточно слышался слов сожаления, так что давай пропустим этот момент.

Отец понял меня и только распротёр руки для прощального объятия. Совсем недолго помедлив, я приобнял его, а он всё же проговорил:

– Ничего не случается просто так, если судьба привела тебя к кораблям, значит, ты нужен кому-то именно там.

После этих слов он сразу же отстранился, а его взгляд устремился куда-то за моё правое плечо. Я повернул голову и увидел, как те самые люди в синей униформе, которым мама давала указания, выводят из амбара пилотников и ведут их к главным воротам. В числе последних я увидел ещё более похудевшего и осунувшегося Даррена.

Переведя непонимающий взгляд на отца, я спросил:

– А они куда?

Тот неопределённо дёрнул бровью и, глядя куда-то в сторону, словно невзначай бросил:

– С вами.

Мой непонимающий взгляд резко сменился изумлением, а я попытался найти смысл в его ответе.

– Ты серьёзно?

Он молча кивнул, провожая взглядом неровный строй бывших свимеровских пилотников.

– Но... зачем их отправляют туда? В чём тогда, собственно, наказание?

Отвечать отец не торопился – он только смотрел на меня, думая, судя по всему, разъяснить мне ситуацию или нет.

– Говори, как есть, – попытался убедить я его.

– Ты сам всё увидишь, – спокойно проговорил он. – Скажу лишь, что на этих кораблях дела обстоят не так радужно, как нас всегда заставляли думать.

После данных слов, отец напутственно похлопал меня по плечу, а затем подтолкнул в сторону ждущих машин, чтобы я поторопился.

Мне хотелось задать ему ещё немало вопросов, но все мысли так и застопорились на последней сказанной им фразе. Как же много, оказывается, мы не знали, мирно живя в своей Пирамиде. Не только корабли, но и сама Земля мне уже не кажется такой радужной, какой всегда представлялась. С данной точки зрения хорошо, что Ариане не пришлось всего этого видеть, а то её фееричные представления о жизни за стенами Стеклянного города разбились бы об эти самые железные ворота, что не выпускают никого из прибрежного лагеря.

Почему-то мне как никогда захотелось вернуться домой, в родную Пирамиду, где всё вокруг создано для комфорта людей и радости глаз. Как же не хватает теперь этой чистоты и порядка, этой размеренной и спокойной жизни, что текла изо дня в день, не нарушаясь и не тревожась ничем, кроме каких-либо бытовых проблем, которые сейчас кажутся такими мелочными, что даже становится смешно от факта их бывшего существования.

– Варгас, пусть открывают ворота, мы готовы, – скомандовала моя мать, когда я подошёл к ней.

Мой взгляд тут же упал на главнокомандующего. Мне почему-то очень нравилось наблюдать, как меняется его лицо, когда моя мама даёт ему очередное указание. Я ещё не видел никого более жалкого и ненавидящего всё вокруг в такие моменты.

– В который садиться? – спросил я, немного волнительно вздыхая.

– В который хочешь, – ответила мама, а затем добавила, указывая на третий внедорожник: – Морал в том, если что.

– Морал? – удивился я. – Мне она сказала, что не едет с нами.

– Едет, но не до конечного пункта, – сказала мама, после чего, махнув мне головой, чтоб я скорее садился, направилась во главу машинной колонны.

Я же поспешил к третьему внедорожнику, задняя дверца которого открылась кем-то изнутри, как только я подошёл.

Прежде чем сесть, я заглянул внутрь, разведывая обстановку. Морал расположилась на заднем сидении ближе всех к двери, видимо, это она её открыла. Около моей подруги, с другой стороны, сидел всё тот же рыжий парень, с которым она приехала. За эти несколько дней, что они пробыли здесь, я смог узнать только то, что его зовут Бэл. Чем-то он мне напоминал Бруно из-за своего чрезмерно спокойного и молчаливого характера. И чего Морал всегда тянет на таких тихонь? Хотя после Викторiana оно и понятно.

Впереди сидели ещё двое, но их лиц я не видел. В машине было довольно темно, но, скорее всего, мне просто так показалось из-за того, что глаза привыкли к солнцу.

– Долго тебя ждать? Садись давай, – недовольно усмехнулась Морал.

Бросив сухое приветствие, я сел в машину, привычно дожидаясь, пока закроется дверь.

– Эй, ты не в бойле, так что потрудись сам, – сказала подруга, толкая меня в плечо.

– А, да, – опомнился я и поспешил применить собственную силу. Но, кажется, я слегка перестарался, потому что от моего хлопка, сотряслась вся машина. Я немного виновато посмотрел на Морал, а она лишь проговорила, махнув рукой:

– Не президентское это дело, так что не расстраивайся.

Я натянуто улыбнулся ей в ответ, а затем бросил взгляд через переднее стекло на главные ворота – те уже были открыты.

– Далеко ехать? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Нет, – ответил кто-то из вперёдисидящих. – Перелётники на взлётной территории рядом со вторым лагерем.

Когда он упомянул второй лагерь, мне в голову сразу пришла мысль о Мэрэдит, ведь она находилась там всё это время. Хотелось бы её увидеть, если честно.

– А кто-то летит из других лагерей с нами? – спросил я, подумав о том, что, возможно, отец Мэрэдит захотел взять дочь с собой.

– Да, конечно, – ответил всё тот же мужчина.

Передние машины неплавно тронулись вперёд, и тот человек, что отвечал на мои вопросы, нажал несколько кнопок на панели управления, отчего и наш внедорожник немного резковато двинулся с места. Я машинально вцепился в ручку двери, и мне показалось, что она вот-вот отлетит от моей стальной хватки, но иначе никак, ведь неровная дорога кидала всех пассажиров из стороны в сторону. Да-а, это вам не магнитная дорога, проезд по которой даже на огромнейших скоростях почти не ощущается. Уверен, что сие доисторическое средство передвижения развалится, если попытается набрать хотя бы половину той скорости, на которой обычно летал бойл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.